

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ШИМУН ВРОЧЕК

ПИТЕР БИТВА БЛИЗНЕЦОВ

FUTURE CORP.

18+

Метро

Шимун Врочек

**Метро 2035: Питер.
Битва близнецов**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Врочек Ш.

Метро 2035: Питер. Битва близнецов / Ш. Врочек —
«Издательство АСТ», 2019 — (Метро)

ISBN 978-5-17-118823-8

Жестокое прошлое Убера тянется за ним, как кровавый след из распоротого живота. Этот красный скинхед не всегда был добр и далеко не всегда – справедлив. Но Убер неизменно платит по счетам. Десять лет до Веганской войны, молодой Убер случайно попадает на станцию «Обводный канал», которую терроризирует монстр-дракон и поклоняющиеся ему люди. Наступает время большой крови. Веганская война. В тылу империи вспыхивает мятеж рабов. Уберу нужно собрать команду из убийц и отморозков, чтобы спасти Обухово. Проблема в том, что дракон, возможно, все еще жив. В нем самом. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118823-8

© Врочек Ш., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Прелюдия	6
Убер и дракон	9
Глава 1	10
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Шимун Врочек
Метро 2035
Питер
Битва близнецов

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035

Автор идеи – Дмитрий Глуховский
Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин
Оформление серии – Павел Бондаренко

© Глуховский Д.А., 2017
© Врочек Ш., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

***

Прелюдия Человек без имени-1

Санкт-Петербург, декабрь 2033 года

Я просыпаюсь в полной темноте. Глаза болят так, словно их выкололи.

Холод собачий. Суставы превратились в стальные шарниры. Они ледяные и твердые. Я ошупываю себя руками, чтобы убедиться, что у меня еще есть тело.

В глотке пересохло. Атомная пустыня. Штат Невада в утренний час, когда холодно и ящерицы еще дремлют.

В голове одни вопросы: «Где я? Что я здесь делаю?»

И еще один, самый главный – за что?!

Пробую разобраться.

Перед глазами красноватая тьма. Сполохи огня. Желтые, красные, зеленые. Это не свет.

Увы.

Это мой мозг сам придумывает то, чего нет.

Где я?

Я пытаюсь ощупать стены. Натыкаюсь на какие-то механизмы. Они в ржавчине.

Проверяю карманы. Там что-то есть. Вслепую провожу инвентаризацию:

1. Карточка. Квадратный листок картона, с одной стороны гладкий. Кажется, это фотография. Я не знаю, кто на ней изображен.

2. Перо какой-то птицы. Жесткое и грязное, с обломанным кончиком. Я не помню, для чего мне это. Кому нужна такая вещь? Я подношу его к носу и отшатываюсь. Перо воняет.

3. Зажигалка «Зиппо». Холодная, металлическая, выпуклый рельеф на боках. Чувствую легкий запах бензина. Аллилуйя! Это прекрасно. Почти так же хорошо, как запах кофе и теплых круассанов поутру. В Париже, на Монмартре, весной... Звучит так, словно я когда-то был в Париже...

Ржавая Эйфелева башня накренилась над городом. Мертвые Елисейские поля заросли рыжей, изувеченной травой. Триумфальная арка изуродована взрывом, от нее осталась только неровная половина. Из болота, в который превратился центр города, торчит корпус огромного военного самолета.

Только я ни хрена там не был.

Прекрасно. Теперь у меня есть три волшебных предмета. Как в сказке. Осталось найти им применение.

Я открываю крышку зажигалки, кладу палец на рубчатое колесико.

Чирк! Чирк!

Прокручивается колесико.

Чирк!

Летят искры.

Человек пытается зажечь огонь, чтобы осмотреться. Чтобы понять, где находится. Он до сих пор не представляет, что с ним случилось.

Человек думает: «Где я?»

Он не знает, как здесь оказался. Возможно, человек получил травму, это посттравматическая амнезия, так часто бывает.

Амнезия. Так часто бывает.

Затылок у меня болит. Я не знаю, что там. Аккуратно трогаю пальцами, они проваливаются в мягкое и влажное. Кровь? В следующий миг меня насквозь пробивает разрядом боли, меня ведет. В последнюю секунду рывком возвращаюсь в сознание. Ловлю сам себя, переживаю головокружение, чтобы не упасть. Хватаюсь руками за невидимую землю. Холодный пористый бетон отзывается под пальцами. Похоже, в затылке открытая рана.

Я снова беру зажигалку.

Чирк! Чирк! Вшшш!

Пламя неожиданно вспыхивает. Мягким золотистым светом освещает на мгновение все вокруг... От этого света мне почти больно. Я зажмуриваюсь на мгновение.

И снова открываю глаза.

Освещает лицо человека. Его глаза. Они светлые.

Прежде чем пламя погаснет, видно, что это человек с резким рубленным подбородком, выбритой головой и шрамами на лице. Несмотря на ситуацию, в которой оказался, человек улыбается.

– Привет, – говорит он огню.

– Привет, – говорю я огню.

И пламя снова гаснет.

Полная темнота, световые пятна на сетчатке глаза. Они в форме язычков пламени.

Прыгают. Мелькают. Они везде. Я поворачиваю голову, пятна с легким опозданием двигаются за мной.

Значит, я не ослеп.

Хоть одна хорошая новость на сегодня.

Я подношу зажигалку к носу и чувствую исчезающий горячий аромат. Это прекрасно. Это живое.

Запах бензина едва уловим. Возможно, я смогу зажечь огонь только один раз. Может, два. Если повезет.

Я убираю зажигалку. Пальцы ощупывают вытертую ткань и засовывают «Зиппо» в карман старых потертых джинсов. Я провожу рукой по своему бедру, чувствуя, как холодеют кончики пальцев уцелевшие заклепки. Зажигалка мне еще пригодится. Не стоит тратить бензин сейчас.

Оставляю его на крайний случай.

Я напрягаю глаза, а затем представляю белые силуэты двух ладоней. Словно они в темноте светятся. Я поднимаю их перед лицом.

«Это мои руки». Точно.

Ресурс рук не ограничен, они заменят мне глаза.

Заодно и согреюсь.

«Наши руки не для скуки. Правда, Профессор?», я почти слышу этот насмешливый хрипловатый голос. Я почему-то улыбаюсь при этих воспоминаниях.

И вдруг теряю сознание.

Я не знаю, сколько прошло времени. Минуты в темноте растягиваются в бесконечность. Когда Бог решил наказать людей, он отнял у них время.

Бесконечность плавится и стекает вниз, как расплавленный сыр. Как часы на картине Сальвадора Дали...

Хорошая картина. Мне всегда нравился Дали.
Но я никогда не думал, что окажусь в его картине.

Белый светящийся силуэт человека на фоне черной, прорисованной белыми линиями, копии картины Сальвадора Дали.

Внутри гибкого времени... я учусь быть слепым.
До Катастрофы ходила притча о шести слепых мудрецах и одном слоне.
Слепцы ощупывали слона, чтобы понять, кто это.
Первый мудрец обхватил ногу слона и закричал: слон похож на дерево!
Второй взял слона за хвост и крикнул: слон похож на веревку.
Третий мудрец взял слона за хобот и закричал: слон похож на змею.
Четвертый мудрец: слон – это копые. Ему достался бивень.
Пятый: слон – это стена. Без сомнения. Ведь мудрец уткнулся в его огромный бок.
Шестой сказал: слон – это одеяло. А это была всего лишь шерстяная попона на слоне.
Все увидели свое. Отдельную деталь. Но целого никто не увидел.
Какой интересный парадокс, да? Парадокс слепых.
Я представляю разрозненные картинки, как кадры хроники:

*Механизмы, стена, провода, брошенная банка из-под консервов...
И лестница.*

Лестница. Куда она ведет?
Какая разница? Главное, это путь.
Все равно, что, заблудившись в лесу, выйти на заброшенную дорогу.
Лестница – это нить. Спасение. Все дороги куда-нибудь ведут. Даже если по ним сто лет никто не ездил и не ходил.

Я знаю.

В детстве я заблудился в тайге и уже совсем отчаялся. Сосны смотрели на меня из-под неба, мох под ногами пружинил. Но тут среди леса я вышел на заросшую травой старую дорогу. Глубокая колея в песке. И у меня снова появилась надежда...

И я вдруг понимаю. Разрозненные детали собираются в единое целое, и получается он...

Слон.

Это не лестница. Не стена. Не шестеренки. Не провода. Не стекло. Не металл. Не бетон.
Это заброшенный эскалатор.

На мгновение у меня кружится голова. Я чувствую облегчение. И покой.

Все не так плохо. Я – в метро.

Дома.

Убер и дракон

*Шестнадцать пуль из АК-47
и никто никуда не летит
он въехал в ущелье верхом на осле
с постом молитвой и «калашом»*

*чтобы сделать зарубки на чешуе
сделать зарубки на чешуе
сделать зарубки на чешуе*

*у него был крест из старых гвоздей
и полмешка кукурузной муки
(нет, почти мешок кукурузной муки)
у Суан-дель-Фьор он купил себе ствол
за чей-то пизженый красный корвет*

*ведь убить дракона не так легко
убить дракона не так легко
убить дракона не так легко.¹*

---

¹ Tom Waits, вольный перевод Д. Сергеева.

Глава 1

2023 год, Санкт-Петербург, станция «Обводный канал». За 10 лет до Веганской войны

1. Мика

Капля конденсата стекает по бетонному тьюбину, вбирая по пути пыль и запах сырости, углекислый газ и частицы плесени. Крошечные отшелушившиеся кусочки человеческого эпителия. В подземельях метро слабо, вяло, ненужно трепыхается жизнь. Единицы – то, что осталось от самоуверенной массы человеческой протоплазмы, обитавшей на планете Земля. Вот уже больше десяти лет плесень здесь, в туннеле, растет и развивается, людей все меньше и меньше, а ее все больше. Слабые флуорисцентные частички поблескивают в воздухе. Это споры больших грибов.

Люди – это источник белка. Большие грибы – источник белка для источника белка.

А плесень – властитель всего. Она здесь везде: в воздухе, на стенах, в воде и даже в легких человеческих единиц.

Придет время, и плесень завладеет всем. Пока же она упорно и неуклонно развивается, растет. Сейчас она методично переваривает гриб, чувствуя приятно обжигающую ядовитую мякоть. Вот мимо гриба, сквозь световое пятно налобного фонаря, проходит чья-то нога в цветных обмотках. Желтое пятно света уносится вперед, в глубину туннеля. За ним следует, как привязанная, старуха, за которой двигается еще одно желтое пятно, прыгает старухе на спину, дрожит, отскакивает в сторону, убегает дальше по туннелю и снова возвращается.

Это пятно света принадлежит девочке шести лет. И оно такое же непоседливое.

Старуха и девочка идут вперед. В руках у них корзины, на головах фонари.

Плесень остается во мраке. Когда-нибудь и они, женщина и девочка, будут добычей плесени, одной частицы из огромного коллективного разума. Плесень оплетет губы и щеки, пальцы и руки, заползет внутрь и устроится там, как у себя дома. Но это будет еще нескоро.

С девочкой точно. Она молода и здорова, насколько можно быть здоровой, проведя всю жизнь в сырых полузатопленных подземельях. Иногда девочка кашляет. Девочка родилась в великом городе. Ленинград. Питер. Санкт-Петербург. Город Петра. Какая разница? Для нее это – неведомая страна наверху. Сказочная страна смерти и запустения, холодных каменных львов, редких чудесных вещей, что приносят сталкеры, и монстров, выходящих на охоту. Кто это, Петр? Она не знает. У девочки темные волосы и светло-карие глаза. Она одета в платице и старую кофту, грубо связанную из разлохмаченной цветной пряжи. Две трети кофты желтые, одна голубая. Девочке нравится запах сломанного гриба и часто снятся цветные сны.

– Нэнни, смотри! – говорит девочка. Она наклоняется и поднимает черный скрюченный гриб. Он слегка светится в темноте фиолетовым. – Я нашла!

– Фу, ты. Выбрось эту гадость, – говорит старуха. Девочка стряхивает гриб с ладоней и прячет их за спину.

– И вытри руки, – добавляет старуха. – Ты что так быстро?

– Э! Не быстро, – возмущается девочка. Но еще раз быстро-быстро вытирает руки о подол платья.

– Ну-ка еще раз вытри, чтобы я видела. – Девочка нехотя подчиняется. – Вот так, молодец. И не ворчи, не ворчи. Есть хочешь? Писать?

– Нет.

Старуха вздыхает. Садится на кабельную катушку, ставит корзину и переводит дыхание. Если приглядеться, не так уж она стара. Ей лет пятьдесят. Лицо с оттиском печати усталости, все изрезано морщинами, поэтому кажется, что женщина старше. На ней красная вязаная кофта, длинная юбка, сшитая из лоскутов разных цветов. На ногах растоптанные ботинки. Цветные тканевые обмотки вокруг распухших лодыжек. Женщина морщится и трет занемевшую голень.

– Нэнни, – говорит девочка.

– Чего тебе? Ты голодная?

Девочка качает головой.

– Нет.

– А что тогда?

– Мне приснился сон...

Женщина, которую называют Нэнни, тяжело вздыхает.

– Ну вот, опять начинается!

– ...про ангелов.

Нэнни морщится. Она явно слышит про сны не в первый раз.

– Только не надо про сны. Я ненавижу сны. Сны глупые. В снах ничего хорошего не бывает. – Она вдруг замирает. – Про ангелов?

Девочка качает головой. И да, и нет.

– Перед сном я молилась. Как ты меня учила, Нэнни!

Нэнни точно не чувствует себя счастливым учителем. Она чувствует себя очень усталым учителем.

– О боже.

– Я хотела увидеть маму...

Нэнни вздыхает.

– Бедная девочка, – бормочет она. Спыхватывается, напускает строгий вид: – Что? Опять?! Мика! Мы же договорились!

– Но мама не пришла, – говорит Мика.

Нэнни произносит в сердцах, обращаясь к небу, а может, к потолку туннеля или плесени:

– Замолчит этот ребенок когда-нибудь или нет?! Кто-нибудь вообще видел шестилетнего ребенка, который так много говорит? За что мне это?! – Она поворачивается к девочке. – Ну что? Была там твоя мама или нет?

Мика игнорирует. В шесть лет она тоже умеет играть во взрослые игры.

– Я сильно зажмурилась и сжала кулаки, – говорит Мика. – Вот так.

Девочка прижимает руки к груди. Задирает лицо и зажмуривается – так сильно, словно от этого зависит ее жизнь. Нэнни не выдерживает:

– Скажешь ты мне или нет?! Всю душу вытянет! Что за наказание, прости господи!

Но Мику не так просто смутить:

– Я очень хотела, чтобы Бог меня услышал. – Мика на мгновение открывает левый глаз и начинает быстро говорить: – Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожа...

Это смешно. Нэнни прерывает, с сарказмом:

– И что, двести раз так?

Мика открывает глаза. Торжественно смотрит на Нэнни.

– Двести тысяч миллионов! Я просила Его послать мне ангела, – сообщает она.

Молчание. Где-то вдалеке гудит сквозняк в туннеле, завывает, словно потерявшийся во тьме путник.

Нэнни говорит устало:

– Ну зачем ты это делаешь? Я же тебе говорила, что у Бога нет помощи для людей... больше нет. – Она мелко, привычно крестится. – Единственного сына он и так нам отдал.

Мика не слушает. Она почти шепчет:

– Мне никто не ответил. Совсем никто. А потом я легла спать.

Глаза Мики широко раскрываются, словно она увидела что-то потрясающее.

Нэнни поднимает взгляд, но видит только темный потолок туннеля, заросший грязью, с потеками сырости. Где-то вдалеке гудит ветер.

– Что там? – спрашивает Нэнни.

– Небеса. Я их сразу узнала.

Нэнни, помедлив, с подозрением:

– Узнала?

Мика кротко улыбается:

– Все, как ты говорила, няня. Сначала я увидела облака... затем ворота...

– Ворота? – Нэнни против воли очарована. – Там были ворота?

– Да.

Нэнни вздыхает.

– Как я люблю ворота, – говорит она мечтательно. – Боже мой, боже мой. Они мне даже снятся иногда. Конечно, я никогда их не видела, только на картинке... Там были... знаешь, такие завитки наверху? Словно листья из бронзы? Были?

Мика кивает.

– А надпись?

– Да, конечно!

– Я знала. Знала! – Нэнни наполняется тихой радостью.

Мика продолжает:

– Надпись золотая. И там написано... большими буквами и очень красиво...

Нэнни невольно подается вперед. Глаза ее тлеют надеждой.

Напротив, в глазах девочки – скачут едва заметные насмешливые искорки.

– «Привет, Нэнни, – говорит Мика. – Это Рай».

Молчание. Где-то вдалеке капает вода и миллиарды спор плесени готовятся захватить умирающий мир. Нэнни внимательно смотрит на Мику, хмурится. Наконец говорит:

– Мика, ты меня разыгрываешь, да?

Мика хихикает. Теперь это снова чуть растерянная девочка шести лет. Маленькая и смешная.

– Может быть, совсем чуть-чуть, Нэнни.

– Скучаешь по маме?

Мика замирает. Затем улыбается – странной, словно обращенной внутрь себя улыбкой. Женщина, которую девочка зовет Нэнни, вздрагивает.

* * *

В глубине комнаты старый, растрескавшийся от сырости стол. Желтый некогда шпон выцвел и отслоился. На столе звонит древний серый телефон. Долго и тоскливо, как в старом гангстерском фильме.

Наконец Мика подходит. Секунду медлит и снимает трубку. На пластмассе остаются пятна от стертой пальцами пыли. Мика прикладывает трубку к уху, на ее лице – мучительная смесь надежды и страха.

– Алло? – говорит Мика в дырчатую мембрану. И слушает.

В трубке – тишина.

Мика неуверенно повторяет:

– Алло! Меня кто-нибудь слышит?

«Ышит... ышит... ышит», – отзывается далекое эхо.

И вдруг звучат гудки. Резкие, тревожные звуки, словно удары сердца. Кажется, они идут не из трубки, а отовсюду. Словно вся комната гудит, как телефонная мембрана.

Внезапно сквозь гудки прорезается голос. Мощный, глубокий, но словно потусторонний. Он тоже идет со всех сторон. Из стен, потолка, из старого стола и бетонного пола. Из трубки. Голос звучит механически и монотонно, словно запись древнего автоответчика:

– У меня больше нет для вас ангелов.

Мика оглядывается.

– Но...

Голос повторяет монотонно, словно автомат:

– Все мои ангелы заняты.

* * *

Мика поднимает голову и видит.

Красное безжизненное небо, как бывает на закате. Огромное поле разорванных, почерневших облаков, обугленные развалины райских врат. Бронзовые завитки оплавилась, золотые буквы осыпались. В обрывках облаков застыли почерневшие трупы ангелов. Их крылья обгорели. Их лица искажены судорогами. Они мертвы.

Черные сгоревшие перья медленно кружатся в воздухе и падают вниз, сквозь облака.

Это жутко и очень красиво.

* * *

– Видишь? – говорит голос устало, совсем по-человечески. – Мне некого послать тебе на помощь, Мика. Все мои дети... вот что с ними стало. У меня больше нет для вас ангелов.

Мика говорит:

– Как печально.

Голос снова повторяет с интонациями автомата:

– Все мои ангелы заняты.

– Но мне очень нужна помощь! – говорит Мика. – Очень нужна!

Голос молчит. Гудки идут, но словно издали, глухие и едва слышные.

– Пожалуйста, – говорит Мика безнадежно.

Голос молчит. Гудки идут.

Мика начинает кричать. Это боль и стон отчаяния:

– Хотя бы кого-нибудь! Пожалуйста!

Она останавливается, затем повторяет очень тихо:

– Пожалуйста.

Пауза. Тишина. Наконец раздается далекий гром... затихает.

Голос устало:

– Ладно, есть один...

Мика вскидывает голову:

– Правда?! Спасибо, спасибо!

Голос вздыхает.

– Но он тебе не понравится.

Тишина. В черных обугленных облаках на мгновение беззвучно вспыхивает и гаснет молния.

2. Неправильный ангел

Когда Седой вошел, эти двое уже стояли напротив. Высокий, бритоголовый, голый по пояс – Уберфюрер. Он же Убер. Напротив – бородатый здоровый мужик в черной куртке. Мужик ухмыльнулся. «Это он зря», – подумал Седой.

– Меня часто спрашивают, почему я стал фашистом, – сказал Убер медленно. – И я отвечаю...

– Чего? – сказал человек.

Убер ударил его в лицо головой. Человек упал. Убер поднял его и врезал коленом – с оттягом. Мужик с размаху впечатался в стену. Бум! Сполз на пол, застонал. Убер посмотрел на него, склонил голову на одно плечо, на другое, как делают большие собаки. Затем пошел вперед.

На стене остался смазанный кровавый отпечаток лица. Как японский иероглиф. «Красиво», – подумал Седой.

Убер пошел к человеку. Тот начал вставать, подтянул ноги...

– Я говорю, это хороший вопрос, – сказал скинхед.

Человек поднялся – лицо залито кровью. Вытянул к Уберу руку. Скинхед резко перехватил ее, дернул человека на себя. С силой выкинул навстречу локоть. Н-на. Удар. Человек взлетел... Капли крови разлетелись по всей комнате...

В краткое мгновение Седой подумал, что есть в этом какая-то невероятная чудовищная красота. Возможно, что-то японское. Охуительное, как сад камней.

Мгновение закончилось. Человек с грохотом рухнул на землю. Застонал. Поднялся.

Упрямый.

«У людей вообще огромный ресурс прочности, – подумал Седой. – И при этом они могут сломаться от любой ерунды. От дуновения ветра. Как советский армейский «уазик».

Убер примерился и ударил. Брызнула кровь. Убер посмотрел на свои костяшки, слизнул кровь. И ударил еще раз, и еще.

– Хватит! – сказал Седой. – Ты его убьешь.

Убер поднял голову. Ноздри раздувались, лицо забрызгано кровью. Убер усмехнулся.

– Всегда можно ответить, если спрашивают вежливо, – сказал Убер. – Всегда.

Он выпрямился. Голубые глаза блестели ярко и безжалостно. Седой отступил. Его всегда поражала вот эта способность Убера мгновенно переходить из состояния покоя в состояние холодной ярости. Когда кажется, что воздух вокруг скинхеда искрит и разливается обжигающе холодным электричеством.

– Вежливость, – сказал Убер негромко. – Я люблю слово «уважение».

Он улыбнулся. Пнул лежащее тело ногой в высоком армейском ботинке.

– Потому что я, на хрен, никакой не фашист. Понял?

Убер повернулся к Седому. Тот смотрел на товарища открыто, без тени страха. С Убером только так и можно. Искренность, терпение и никакого страха. Как с детьми.

Убер дернул щекой.

– Разве я похож на фашиста?

Седой оглядел его. Внимательно и спокойно.

Напротив – забрызганное кровью лицо Убера. Ноздри раздуваются. Голубые глаза жестокие и яростные. Сейчас от Убера расходились, как излучение от реактора, волны бешенства.

Седой сказал мягко:

– Конечно, нет. Какой ты на хрен фашист?

Последняя фраза настолько резко контрастирует с образом Убера, что это смешно. Убер засмеялся.

Ладонью он стер со лба капли крови. Затем негромко запел. У него красивый, чуть хрипловатый тенор:

*Из праха человека слепил Господь.
А мне Господь дал кости и плоть.
Кости и плоть, спина как плита,
Да мозги тупые, и башка не та².*

Седой смотрел, как Убер поет. Красный скинхед – голый по пояс, высокий, широкоплечий, жилистый, с десятками заживших и заживающих шрамов. Крепкие длинные руки свисают вдоль тела.

На плече черная татуировка: скрещенные серп и молот в лавровом венке.

Седой опустил голову и увидел разбитые в кровь костяшки на кулаках Убера. «Кто-то слишком увлекается», – подумал он.

– Вот так, – сказал Убер.

Седой оглядел место побоища, еще раз задумчиво рассмотрел стену, заляпанную кровью, отметил белый зуб в кровавой луже на полу, зацепил взглядом безжизненное тело. Хотя нет, тело еще шевелилось. Седой присел на корточки, приложил два пальца к шее страдальца. Прислушался. Кивнул, выпрямился, повернулся к Уберу. Тот рассматривал стесанные до крови костяшки кулака.

– За что ты его так? – спросил Седой. – Я пропустил начало.

Убер поднял голову. Лицо, искаженное яростью, наконец разгладилось.

– Он назвал меня фашистом, – сказал он спокойно.

– И все? – удивился Седой.

– Да.

– Точно больше ничего?

– Этого мало? – Убер поднял брови.

– Думаю, тебе нужно быть посдержаннее, – сказал Седой.

– Зачем? – удивился Убер. – Думаешь, я затем пошел в скины, чтобы быть сдержанным?

Эй, чувак, стоять, сука! Готовься, сейчас я буду сдержанным.

– Большая сила – большая ответственность, – сказал Седой.

Молчание. Убер оглядел пожилого скинхеда, задумчиво почесал шрам на лбу. В глазах его появилось странное недоуменное выражение. Он переступил с ноги на ногу, покрутил головой. Казалось, эта мысль не помещается в его бритую, изуродованную шрамами упрямую голову. Но он все равно пытается ее там разместить – из уважения к Седому. Убер нахмурился.

– Ты сейчас серьезно? – спросил он.

Седой молча смотрел на него. Светло и строго, словно библейский апостол. И вдруг не выдержал, засмеялся.

– Да нет, конечно. Это ж из комикса.

– Блять, – сказал Убер. – На секунду я почти поверил.

– Но ты в следующий раз все-таки полегче. Это всего лишь слова.

– Да. – Убер кивнул. – Не стоит убивать за слова.

– Вот именно. – Седой потер лицо, потянулся. – Жрать охота! Пошли перекусим?

– Лады. А... – Убер замолчал, увидев в глазах Седова, что еще не все закончилось.

Человек поднялся. «Здоровый, – подумал Седой. – Но дура-ак».

Убер медленно повернулся.

---

² «16 Tons», перевод А. Кроткова.

– С-сука, – сказал человек. Выплюнул на ладонь сгусток крови и два зуба. – Ты мне... я тебя...

Он пошел вперед, набычившись. «Страшный, как пиздец».

– Чувак, спокойно.

– У-убью.

– Чувак, будем честны, это не «Вишневым сад», – сказал Убер. – Это всего лишь пиздюли. Не надо делать из этого трагедию.

Седой порадовался, что Убер говорит спокойно и насмешливо. Ни следа прежней ярости. Видимо, сегодня обойдемся без убийств. Это хорошо.

– Я твоих детей найду и расчленю, – сказал человек тихо и отчетливо. – На кусочки порежу, сука.

Убер ударил. Мгновенно, страшно и по-настоящему. Мужик подлетел и рухнул. Убер пнул его несколько раз.

Затем прыгнул сверху.

Седой только вздохнул и отступил, чтобы кровь его не забрызгала. «Убер в своем репертуаре». Мужика ему не было жалко. За некоторые слова действительно убивают. Он бы и сам убил за такое. Он вспомнил Еву – и печаль пронзила его насквозь. «Два раза бы убил».

«Только как мы будем разбираться с начальством станции? – подумал Седой. – Ох, черт. Как не вовремя».

3. Мы проебали караван

Петербург, разрушенный Катастрофой. Вдали возвышается поврежденный купол Исаакиевского собора. Мощные стволы лиан, проросшие сквозь камень под Медным всадником. Статую оплетают голые уродливые ветви. Разбитые и сожженные ржавые останки машин на площади. Все в густо-оранжевом свете. Скоро рассвет.

Мимо статуй коней Клодта, зеленых от окисла, проходят люди в серых плащах и противогазах. За плечами у них огромные баулы. Это дальнобои, диггеры с секретным грузом.

Идущий впереди диггер напевает себе под нос.

В разрушенном войной мире мало кто знает «Holyday» Bee Gees. Легкая незамысловатая песенка. Высокий чистый голос Убера выводит:

*праздник хороший день
самый лучший день
праздник хороший день
самый лучший день*

Караван идет через мертвый город.

* * *

Петербург перед рассветом. Три часа утра. Где-то вдалеке на востоке начинает медленно нагреваться линия горизонта, как вольфрамовая нить в лампе накаливания. Рыжие отсветы пронизывают и зажигают воздух, заставляют его светиться изнутри.

Каменный лев с выщербленной пастью смотрит на Неву, по камню ползет оранжевый свет. С изуродованной выстрелами львиной головы срывается небольшая птица... нет, не птица. Это птицеящер. Он взмахивает крыльями и набирает высоту. Свист рассекаемого воздуха. Под ним проносится с огромной скоростью гладь воды.

Развалины города с высоты птичьего полета.

Эпицентр взрыва. Огромная воронка, полная воды, расстилается под крыльями птицеящера. Вода в ней удивительно спокойная, несмотря на ветреную погоду. Эта вода всегда безмятежна – и лучше бы в нее не соваться. Это знает даже крошечный птицеящер с почти отсутствующим мозгом.

Покосившиеся фонарные столбы отмечают путь. В проводах одного из них бьется под порывами ветра изодранное белое полотнище – словно знак капитуляции всего человечества. Птицеящер набирает высоту, в последний момент уворачиваясь от белого всплеска.

Мертвый канал, почти обмелевший. Бурые заросли по его берегам. Местами камни набережной вывернуты толстыми мясистыми побегами.

Пронизывающий ветер, несущий пыль и рентгены, сдувает мусор с набережных.

С высоты птицеящер видит караван диггеров, идущих очень осторожно. В авангарде трое, передвигаются они перебежками, прикрывая друг друга, – как боевая группа. Оружие, перемотанное тряпками, – старые «калаши» и дробовик. Противогазы. Капюшоны, стянутые вокруг резиновых масок. Заклеенные скотчем штаны и рукава.

Высокий диггер останавливается. Выпрямляется. Это Убер.

К нему подходит другой диггер, ниже ростом. Это Седой. Трубка его противогаза перемотана синей изолентой. Седой поворачивается, делает знак рукой остальным – стоп, передышка. Караван, состоящий из десяти человек, с облегчением останавливается. Люди сбрасывают тяжеленные баулы с плеч, садятся, пьют воду, негромко переговариваются. Они спокойны. Но в этом спокойствии чувствуется некоторая нервозность.

Вдалеке слышен странный гул. Словно тысячи лап переступают по мертвым улицам города. Далекий лай, доносящийся оттуда, сливается для диггеров в глухой белый шум.

В бинокли Седой и Убер разглядывают поток собачьих тел. От поднимающегося за горизонтом солнца собаки уже не серые, как они есть, а багрово-оранжевые. Потоки косматых тел заливают улицы Петербурга. Это собаки Павлова, как их называют в Питере. Их тысячи и тысячи.

– Красные собаки, – сказал Убер. – Прямо как в «Книге джунглей». Вроде ж не сезон, а?

– Это Гон. – Седой убрал бинокль. Сунул его в потертый пластиковый футляр и застегнул крышку.

– Да уж вижу, что Гон. Черт, не вовремя, а? Я думал, он только весной бывает...

– Надо их отвлечь, – сказал Седой. Убер огляделся. Тоже спрятал бинокль в футляр, повесил на пояс. Достал и нацепил на резиновую маску темные очки в тонкой золотой оправе. Пижон, подумал Седой. Смотрелось это... экстравагантно.

– Их надо увести на юг, юго-восток, – сказал Седой.

– Иначе не пройдем? – Убер помолчал. – Черт, а ты прав. Да, надо. «А мы пойдем на север... а мы пойдем на север», – пропел он неожиданно.

– Я пойду, – сказал Седой.

Убер покачал головой. За линзами глаз не было видно, но чувствовалось, что он усмехается. Пижонские темные очки только подчеркивали это впечатление.

– Нет, ты не пойдешь. Я пойду.

Противостояние, как в кино. Один чувак в противогазе смотрит на другого чувака в противогазе. Только у того чувака, что повыше, на маску надеты темные очки. С тонкой золотой оправой. У другого – синяя изолента на трубке.

– Только не говори, что у меня чувство вины, – сказал Убер. – И все такое. Конечно, я мог не соглашаться на это предложение. Подумаешь, повесили бы всех нас на заборе!

Седой пожал плечами.

– Ладно-ладно! – сказал Убер. – Только меня повесили бы. Одного. Но... Нам всего лишь нужно довести караван до Восстания. И все. И все долги спишутся.

Седой тяжело вздохнул и шагнул вперед. Убер заступил ему дорогу.

– В общем, я пойду, – сказал Убер. – И это не чувство вины, не думай. А суровая необходимость выпендриться.

– Это другое дело, – согласился Седой.

Убер помолчал.

– Скажешь пацанам? – спросил он.

– Ага.

4. Бег в оранжевом свете

Огромная долина, залитая оранжевым светом восходящего солнца. Если подняться на приличную высоту, то становится понятно, что это не скалы, а разрушенные дома.

Вдали видно огромную воронку от атомного взрыва. Птицеящер делает пару сильных взмахов крыльями и взмывает вверх. С высоты уже видно восход, тогда как внизу еще доживают последние мгновения предрассветные сумерки.

А вот и этот человеческий караван.

Птицеящер видит, как один человек отделяется от каравана и бежит. Птицеящер удивлен – человек направляется к стае собак, а не обратно. Остальные люди собираются вместе и ждут.

Птицеящер делает поворот и начинает снижение. Ему любопытно.

Человек, пригнувшись, идет к собакам. Выглядывает из-за угла, прячется.

Вот собаки почуяли его. Человек начинает греметь, пинать двери домов и мертвые машины.

Собаки – или тот, кто за ними – принимает решение. И собаки медленно, как тяжелая неповоротливая машина, поворачивают за ним. Стая набирает скорость.

В то же время караван трогается. Птицеящер видит спину бегущего человека.

Вот он прыгает – и его голова вспыхивает золотом. Птицеящер почти слепнет на мгновение. И вдруг человек спотыкается – и золотое пламя срывается с его головы и падает на землю.

Птицеящер снижается.

Собаки уже близко, он чувствует вонь их пастей, их голод. Голод того, кто за ними, кто гонит этот собачий организм вперед.

И в последний момент птицеящер выпускает острые когти и хватает с земли золотую искру.

Это очки с темными стеклами.

Птицеящер сильно бьет крыльями, очки неожиданно тяжелые. Еще удар, взмах, еще.

Одна из собак прыгает, но в последний момент птицеящер делает рывок вверх, унося добычу. И собака промахивается. Катится по земле, вскакивает. Обиженно скулит.

А потом вливается в общий поток. Собаки бегут за человеком.

Птицеящер поднимается все выше. У него есть добыча, нечто важное и яркое, что можно принести в гнездо.

А караван внизу идет, пересекая пространство улиц, где недавно были собаки.

А собаки идут за человеком. Быстро и жадно, не отступая. Человек, потерявший золотую искру, бежит.

Птицеящер сделал бы на его месте то же самое.

* * *

Оранжевая земля.

Крепкий ботинок ударяет в землю. Бух! Мелькнули шляпки гвоздей в подошве. Взметнулось облачко пыли...

В следующее мгновение ботинок взмывает вверх – и проносится всего в нескольких миллиметрах от бетонной стены. Медленный, плавный полет... Приземление, удар! Если смотреть на это с точки зрения спортивного преодоления препятствий, то слегка мешает хрип на заднем плане. С клетотом и бульканьем, словно кто-то гулко отхаркивается в противогаз.

Ноги в одинаковых ботинках приземляются – колени согнулись – миг! – и снова толчок.

Человек бежит. Преодоление препятствий, что тут сделать. Раньше, до Катастрофы, это называлось паркур. Поиск оптимального пути. Сейчас от этого зависит, переживет ли человек наступающее утро.

Человек в армейских ботинках приземляется в очередной раз. Взвилась пыль.

Удар. Прыжок.

Человек бежит огромными прыжками. С двух сторон нависают останки разрушенных зданий. Земля под ногами человека вибрирует. Кажется, за ним катится огромная волна, которая поглотит все.

Это всего лишь собаки, думает человек.

Всего лишь собаки... «Просто их до хуя».

Прыжок!

Быстрый взгляд вверх. Табличка на уцелевшем здании – полукруглая, проржавевшая по краям, гласит «ул. Тюшина». Номер «18» или «19», не разобрать. Это где-то рядом с Лиговским проспектом.

Человек бежит. На нем – армейский защитный комбез, перемотанный скотчем, чтобы не допустить попадания пыли внутрь. Теперь главное – не забежать в тупик. Когда за тобой идет стая, любой тупик будет смертельной ловушкой. Человек на мгновение оборачивается. Вздрагивает. Лучше бы он этого не делал. По улице за ним неторопливо катится темная шевелящаяся масса, вскипая и пузырясь... Масса, способная искалечить, сожрать, разорвать на части все, что попадется ей по пути.

Человек снова поворачивается, смотрит назад. В изогнутых стеклах противогаза не отражается ничего. Стекла совсем запотели.

Шумный выдох, и человек бежит дальше.

Темная пузырящаяся масса на мгновение замирает, выбрасывая из себя длинные щупальца, которые распадаются на отдельные, обросшие короткой шерстью, тела. У тел есть уши, хвост и оскаленные пасти. Изуродованные радиацией шкуры.

Это собаки Павлова. У них Гон.

А когда у собак Гон, остальные твари – даже бегунцы и гастарбайтеры – предпочитают спрятаться и не отсвечивать. И поменьше шуметь. Потому что собаки Павлова так устроены, что на любой шум у них автоматически включается рефлекс «жрать-жрать-жрать», и чем звук сильнее, тем больше они хотят жрать. Они сожрали бы и самого профессора Павлова с его колокольчиком.

Забавная штука эта постъядерная рефлексология.

Человек бежит. Если бы у него была минута, он бы сверился по старой карте Питера, что всегда носит с собой. Много, конечно, изменилось, но хотя бы можно проверить, не потерял ли он направление. Надеюсь, думает человек, караван уже прошел до «Пушкинской». Пацаны ушли.

«Но если я сбился, я пропал».

Собака выскакивает из-за угла. Оскаленная пасть, шесть или семь глаз разного размера на острой, как у овчарки, морде.

Человек в противогазе вскидывает дробовик. Грохот. Выстрелом собаку сносит назад. Жалобный визг.

Убер передергивает затвор. Латунная гильза вылетает и падает на землю. Он на ходу нагибается, поднимает ее и засовывает в карман. Металлические гильзы можно использовать еще раз.

Убер бежит дальше.

5. Гора мертвецов

Убер бежит по улице. Кажется, стоит преодолеть ее, и будет спасение. Станция совсем рядом... И тут Убер останавливается. В конце улицы показались сразу несколько собак. «Черт».

Убер соображает на ходу. Он с разбегу открывает дверь парадной, влетает в дом... И внезапно перед ним заканчивается земля. Бляяя!

Обрыв.

Убер с воплем летит вниз, размахивая руками. Бум! Он приземляется, катится вниз по пологому склону. Влетает в мелкую лужу. Плюх.

Молчание.

Убер поднимает голову, оглядывается. На стеклах противогаза – грязные капли.

Это огромная яма, котлован, вырытый за стенами старых зданий, от которых остались только фасады. Все остальное – мусор и развалины. Вот куда скинхед и влетел. На противоположной стороне котлована застыл ржавый экскаватор с остатками желтой окраски.

Убер стоит в огромном котловане... вдруг под скинхедом проваливается гора мешков. Он опять летит, кувыркаясь, вниз.

Убер приземляется на кучу серых мешков, падает, катится. Наконец останавливается. Перед ним чей-то выброшенный древний противогаз. Темные окуляры уставились на него. Убер смотрит несколько секунд, затем поворачивает голову.

Вдруг один из пластиковых мешков расходитя по шву, и из него к лицу Убера падает человеческая рука.

Голая. Синяя.

Убер вскакивает на ноги, миг – в его руке оказывается увесистый нож. Это непальский кукри.

Скинхед готов к бою. Он оглядывается.

«Черт».

Вокруг него – десятки серых мешков. Десятки трупов. Высохшие тела. Маленькие и большие.

Их словно выпили.

Это целая гора трупов, которая тянется к одному из фасадов.

Убер стоит. Ветер дует. Трупы лежат.

Кто-то их убил. И они все без защитных костюмов. Голые.

В голове Убера поет Том Вэйтс. Хриплый ужасный голос выводит мелодию, вкручивает в нее, как лампочки в елочную гирлянду, слова:

*И ты как будто Мastroяни, а она – как Кардинале,
в этом старом и затянутом кино (забыл название),
где заранее известно – все поженятся в финале,
и ты помнишь эту песню,
только все слова забыл³...*

---

³ «Приглашение на блюз», пер. Д. Сергеева.

Кто убил всех этих людей? Убер не знает. Никто не знает. Убер долго смотрит на лежащие трупы. Ветер припорошил их оранжевым песком. Том Вэйтс продолжает петь.

Где-то далеко лает собака. Убер вздрагивает, поднимает голову.

Убер начинает выбираться из котлована. Лай собак все ближе.

6. Впусти меня

Выбора у скинхеда нет. Его почти загнали. Он пробегает по мосту, сворачивает в ближайший двор. Прихрамывая, пересекает двор-колодец. Тут могут быть свои монстры, но когда у тебя на хвосте стая собак, некогда думать о других.

Убер бежит. Он уже выдыхается. Хриплое, надорванное дыхание. Ничего. Человек может продержаться там, где любая собака уже сдохнет. Проверено эволюцией.

Убер оглядывается. Черт! Глаза его вспыхивают надеждой. Во дворе дома видны знакомые очертания наземного вентиляционного короба. Это часть метро.

Вот это место. Здесь, во дворе, находится вентшахта, ближайшая к «Обводному каналу».

Место выглядит заброшенным, но Убер опытным взглядом видит оставленные недавно следы. Здесь проходили диггеры. Вот рифленый отпечаток ботинка в пыли. Вот цветной фантик от конфеты. Диггеры возвращались с добычей.

Ржавый круглый короб высится здесь. Решетки забиты изнутри и снаружи досками и листами металла. Короб выглядит, как ветряная мельница из «Дон Кихота». Уберу смешно от такой ассоциации, но и до смерти страшно.

Быстрее! Вот и дверь – надежная, железная. Ее поставили уже после Катастрофы.

Убер долго стучит в дверь вентшахты, но там не открывают. Проклятье! Нужно бежать дальше – но собаки уже со всех сторон. Они заполняют переулок. Вот они появляются из арки. Одна, две, три... Убер оглядывается – с другой стороны двора тоже неторопливо бегут собаки. Поздно дергаться. Пять псов – в середине лобастый серый боксер. Видимо, собачий командир отделения. Убер стучит, долбится – дверь заперта. И вот он бессильно колотит кулаком и собирается бежать дальше. Если добраться до парадной, можно взобраться на крышу. И если повезет, забаррикадироваться где-то в доме... Но на это нет времени.

Убер отбегает от двери, достает дробовик. У него семь патронов. Что ж... один надо оставить для себя.

Как вдруг из-за двери звучит голос.

– Кто там?

Убер замер, потом бросился к двери. Закричал в щель.

Снова голос. В первый момент Убер принял его за детский:

– Что? Не слышу!

Убер прислонился к двери, задрал маску надо ртом. Заорал изо всех сил:

– Открывайте, а то меня сожрут!

Молчание. Голос за дверь замялся.

– Я не знаю... не знаю! Мне нельзя! – Убер вдруг понял, что это голос не ребенка, а молодого парня, почти подростка. – Мы сегодня... мы никого не ждали!

Так, спокойно. Нельзя его пугать.

Убер заговорил негромко и спокойно, очень убедительно:

– Парень, меня сейчас будут жрать. Ты понимаешь? Открой дверь, пожалуйста.

Заминка. «Ну же», – подумал Убер. Шебуршание. Затем:

– Пароль!

«Черт».

– Какой нахуй пароль?! – кричал Убер. – Я щас сдохну тут! Парень!

Человек за дверью озадаченно замолчал.

Собаки все ближе. Убер услышал их приближение, по затылку пробежал холодок. Он оторвался от двери, развернулся. Точно, сразу две собаки. Одна нормальная, а другая явный мутант. Они прыгнули одновременно. Убер выстрелил из дробовика. БУХ! Боже, благослови разлет картечи. Двух собак снесло одним выстрелом. Кровь, брызги.

Собаки бежали. Убер стрелял и стрелял.

Вой и визг. Убер передернул помпу, но больше патронов нет. Щелк. Пусто.

Убер скривился. Наклонился к двери.

Заговорил:

– А когда меня будут жрать, я им скажу, чтобы следующим они забрали тебя! Верись, нет?! Верись?!!

За дверью – молчание.

Собака прыгнула. Убер спиной почувствовал это, мгновенно повернулся. И едва успел...

В последний момент Убер сбил ее в прыжке ударом дробовика. Н-на. В следующее мгновение в его руке оказался кукри. Р-раз! Черная полоса крови.

Следующая собака сбежала вниз, оскалилась. Из пасти падают клочья пены. Собака неторопливо бежит к Уберу. Это серый боксер. «Командир отделения», – думает Убер отрешенно.

В последний момент дверь открывается.

Убер вваливается внутрь, застревает в проеме. Собака бежит за ним. В прыжке она вцепляется в рюкзак Убера.

Убер едва успевает захлопнуть дверь. Финиш.

Вентшахта. Слабый свет лампы.

Глухие мощные удары в дверь. Рычание, утробные звуки.

Убер сползает на пол, с облегчением прислоняется затылком к двери. Стягивает маску с лица – оно распаренное и мокрое. Спасен.

7. Перо ангела

Корзина почти собрана. Давно Нэнни не чувствовала себя такой усталой. Впрочем, теперь усталой она чувствует себя всегда. Надо бы присесть, что ли.

Нэнни вздохнула и заговорила нараспев:

– Когда взорвались бомбы, небеса загорелись. Ангелы падали на землю обгоревшими кусками вопящей от боли плоти... И еще долгие дни на землю опускались черные перья...

Мика закрыла глаза и увидела, как медленно кружась, опускается на землю черное перо. Открыла глаза. Ого!

– Няня, что это? – спросила Мика.

Нэнни резко повернулась. Мика наклонилась над чем-то, чего няня пока не видит. Мика протянула руку... подняла.

Нэнни вздохнула, начала вставать.

– О боже. Что ты там опять нашла?

Мика повернулась.

На ладонке у нее – черное воронье перо. Грязное и старое. Она держит его, как особую драгоценность.

Нэнни замолчала.

Мика подняла голову. У нее светло-карие глаза – неожиданно красивые.

– Это перо ангела.

Глава 2

1. Юра

Голос за дверью принадлежал на самом деле... вот этому типу. Юра прищурился, разглядывая незнакомца. Изображение стало четче. Зрение у него давно садилось, местный врач объяснил, что это из-за недостатка витаминов и плохого освещения. И конечно... Тут Юра вздохнул... «Из-за дурной наследственности».

Незнакомец был в химзащите, но не простой, а дорогой, офицерской. Замотана скотчем на запястьях и лодыжках, везде надписи, как у сталкеров Обводного. Юра тоже раньше хотел стать сталкером. У сталкеров интересная жизнь, героическая. Но – не судьба. Родители против, да и здоровье...

Незнакомец сидел, прислонившись спиной к двери. Лицо мокрое от пота, голова выбрита налысо. Потеки грязи. На коленях skinхеда нож со следами крови. Юра вздрогнул. «Вот это ножище! Мне бы такой».

Юра помедлил, потом спросил:

– Вы сталкер?

Незнакомец не сразу понял вопрос. Он поднял голову и посмотрел на Юру. У незваного гостя – голубые глаза. Аж хочется прищуриться, настолько они яркие, словно против источника света стоишь. Юра прищурился.

– Что? – сказал гость.

– Вы сталкер?

Незнакомец задумался.

– Скорее уж диггер.

Юра помедлил. Ему не нравилось слово... какое-то... ершистое? Злое.

– Кто это?

Гость усмехнулся.

– Не важно. Спасибо, что впустил, парень. Я уж думал, меня там сожрут. Знаешь, а давай я тебе кое-что подарю... на память...

Гость тщательно вытер нож и вложил в ножны на бедре. Поднялся на ноги. Потянулся рукой назад, за спину, пошарил. Кивнул Юре:

– Помоги снять рюкзак.

«Хорошая шутка». Юра не двинулся с места. Над ним часто подшучивали, и сейчас он точно не попадет. Юра поднял брови.

Зато, помедлив, спросил:

– Какой рюкзак?

Пауза. Незнакомец остановился. Лицо удивленное.

– Что значит какой?

Гость быстро пошарил за спиной, но так и не нашел рюкзака. Только обрывки лямок. Собаки выпотрошили его рюкзак, сообразил Юра. Вот же судьба.

Незнакомец несколько секунд молчал, переваривая эту новость, затем в сердцах бросил на пол остатки рюкзака.

– Вот фак! – сказал он. И вдруг засмеялся. – Все, что нажил, сука, непосильным трудом. Три кожаных куртки, три портсигара...

Юра нахмурился. «Какой-то псих».

– Зачем вам три куртки?

Гость мотнул головой.

– Забудь.

Юра оглядел забрызганного кровью незнакомца. «Зачем он сюда пришел, к нам?» На мгновение ему показалось, что с приходом гостя в веншахте стало холоднее, словно потянуло в спину сквозняком. Юра повел лопатками.

– Вам нужно помыться, – сказал он.

Гость хмыкнул. Похоже, ему все казалось смешным. Его ярко-голубые глаза смотрели на Юру задумчиво, с иронией.

– Помыться? – протянул гость. – В последний раз такое предложила моя жена. И потом залезла ко мне в душ... Надеюсь, ты такого не повторишь. Верно?

Юра от удивления открыл рот. «Чего?!» Он показал на железную кювету со стоком и ржавую лейку от душа.

– Дезинфекция, – сказал Юра. – Положено.

– Давай, раз положено. – Гость поднялся на ноги, с сожалением натянул противогаз, застегнул химзу, встал в кювету. Юра начал одной рукой качать насос, другой держал лейку душа, а гость медленно поворачивался под струями ржавой, дурно пахнущей воды.

– О, тепленькая пошла! – обрадовался он в какой-то момент. Юра мысленно покрутил пальцем у виска. Опять эти старперы со своими шутками из прошлого. Хотя этот вроде не сильно старый.

Когда с радиоактивной пылью было покончено, гость с наслаждением стащил противогаз, стряхнул воду и начал расстегивать мокрую химзу, с треском растягивая и отдирая прозрачные полосы скотча. Пока он разоблачался, Юра прислушался. За стенами вентиляционного киоска все затихло, но тревога не отпускала.

Гость засмеялся. Хлопнул Юру по плечу.

– Веди меня к своим старшим, средним, не знаю, кто здесь главный. Хотя подожди. – Он посмотрел на Юру внимательно. – Тебя как зовут, парень?

Юра открыл рот, закрыл. Как большая рыба.

– Юра, – сказал он. – Юра Лейкин.

– Дуралейкин? – переспросил гость, тут же спохватился: – Извини, брат. Извини.

Юра моргнул. От незаслуженной обиды горело в груди. Гость помедлил.

– Меня Убер, – сказал он.

Юра моргнул.

– Как?

– Уберфюрер.

Для Юры это звучало как «ключ разводной на двенадцать». Юра, подумав еще, серьезно спросил:

– Это должно что-то означать?

Человек, назвавшийся «Убером», махнул рукой:

– Ни черта это не значит. Слушай, брат Юра, а что тут...

Его прервал долгий чудовищный крик. Гость вздрогнул от неожиданности и замолчал. Юра поежился. Насколько он привычный, а все равно каждый раз мороз по коже. Бррр. И ведь все душу вынет, сволочь.

Гость насторожился, огляделся, прислушиваясь. Лицо внимательное, черты лица заострились.

Чудовищный крик то затихал, то становился громче – но все длился и длился. Это было похоже одновременно на плач ребенка и вопль боли тысячи людей. И победный крик обезумевшего от крови птеродонта.

Гость покрутил головой. Глаза холодные, прищуренные.

«Глаза убийцы», – подумал Юра. По спине пополз холодок. Но в следующее мгновение он отогнал эту мысль.

2. Крик чудовища

Крик оборвался. Но еще несколько секунд казалось, что он продолжает звучать – колеблется чем-то вроде эха в натянутых, как струна, нервных волокнах.

«Что, черт побери, это было?» – подумал Убер.

Он выпрямился, посмотрел на Юру. Парень заметно занервничал, отводил глаза. Убер оглядел его с интересом. Русский или белорус, может быть. Лет шестнадцать, возможно, чуть больше. Шатен, сложение довольно хлипкое, но это может пройти с возрастом. Вдруг он вообще квадратом будет. Взгляд слегка близорукий. А вот это в условиях метро редко проходит. Вид у парня недовольный. Тонкие черты лица. Несколько прыщей украшают высокий лоб. «Как тебя там? Юра, кажется? – подумал Убер. – Дуралейкин... Черт, вот же сочетание имени-фамилии. Не хочешь, а оговоришься».

Юра наконец грубо сказал:

– Чего?!

Убер почесал затылок, затем лоб. Затем опять затылок. Легкий массаж затылочной области всегда помогал ему соображать.

– Что это было? – спросил он наконец.

– Не знаю, – сказал Юра.

Убер усмехнулся. Ну, конечно, конечно...

– Серьезно?

– Да, а что? – с вызовом спросил Юра. Уши у него покраснели.

«А парень-то совсем не умеет врать».

Убер хмыкнул.

– Я же вижу, что ты врешь.

– Вру и вру, тебе-то какое дело? – сказал Юра. – Станция не твоя.

Убер засмеялся.

– Что смешного?!

– У тебя уши горят, брат Юра. Чувствуешь запах? Будь на тебе противогаз, уже резина бы оплавилась. Ладно, не хочешь, не отвечай. Ты прав, станция не моя. Да мне и неинтересно, в общем... – Убер пожал плечами.

Скинхед отвернулся, сунул «химзу» в мешок для санитарной обработки. За спиной – молчание. Убер закинул наживку и ждал. Он стянул шнурки мешка, обмотал вокруг горлышка и затянул.

Юра заговорил, нехотя и сквозь зубы, как под пыткой:

– Это туннели стонут.

Убер быстро повернулся. Поднял брови.

– Правда?

Юра кивнул.

Убер опустил мешок на пол. Задумчиво погладил кончиками пальцев шрам над бровью.

– Как трогательно, – сказал он. – Как, не побоюсь этого слова, поэтично.

Юра замолчал. Насупился и закрылся. «Ну, чтоб тебя».

– Обиделся, что ли?

Молчание. «Вот черт. Это ведь почти ребенок».

Убер заговорил серьезно и мягко:

– Извини, брат Юра. Все нормально. Это твой монастырь. И твои правила.

– Мой – что? – Парень поднял голову, в глазах плеснулось недоумение.

Убер тяжело вздохнул. «Боже, мы теряем культуру».

– Станция твоя.

3. Телефон Бога

Считается, что телефон Бога – белый, но Мика во сне всегда видит серый.

Она открывает дверь и входит в комнату. В комнате стоит обшарпанный деревянный стол, отделанный желтым шпоном, на столе – серый, тусклый от осевшей на нем пыли, телефон. С витым длинным проводом. Совершенно допотопный телефон.

Девочка снимает трубку. И очень осторожно прикладывает к уху. Мика однажды видела, как это делал Мэр, такое простое движение. Почти как почесать руку или нос. Нос у Мики почему-то всегда чешется.

В трубке – тишина. А потом, если прислушаться – словно где-то далеко звучат гудки.

– Алло? – говорит Мика далеким гудкам.

В трубке – тишина. И легкое электрическое гудение на грани слышимости.

Мика повторяет:

– Алло? Алло!

Тишина.

Мика, уже в отчаянии, кричит в трубку:

– Алло, меня кто-нибудь слышит?!

Тишина.

4. Моргусы

Убер прислушался. Снизу, из туннеля доносились металлические удары, далекий перестук колес. Звуки приближались.

– Что это? – Убер посмотрел на Юру. Тот пожал плечами.

– А! Это моргусы.

Скинхед закинул на плечо баул с химзой и дробовик, подошел к люку. С вентиляционными шахтами в Питере всегда засада – метро очень глубокое, до туннеля и станции вниз пятьдесят метров, а то и все сто. И спускаться обычно приходится по ветхой ржавой лестнице. Здесь метров шестьдесят, наверное.

«Ох, грехи наши тяжкие», как говаривала бабушка Убера. Откуда-то сверху капала вода.

Убер вздохнул. Ну, с богом. Потянулся и взялся ладонями за мокрый металл лестницы, встал на ступеньку, затем на следующую. Под ним была гулкая пустота. Чудовищный колодец.

«Ух, высоко».

Когда спускаешься в темноте, появляется ощущение – лестница бесконечная, внизу ад и что-то жуткое, страшное и, блин, соскользнет рука и все, отлетался. Убер усилием воли вернул себе ощущение высоты и продолжил спуск.

В какой-то момент ему снова показалось, что это будет длиться вечно. Это его, Убера, персональный ад. Он усмехнулся. Что он будет спускаться и спускаться вечно, а внизу его ждет то чудовище, что кричало. Убера передернуло. Чего только не придумаешь в темноте... Бред какой-то.

Скоро он подумал, что сдохнет. Ржавая лестница скрипела под его весом и покачивалась. Убер мерно спускался.

Лестница наконец закончилась. Убер ударился пяткой в землю, помедлил – кажется, все, и поставил на пол вторую ногу. Здесь, в тамбуре вентшахты – глубокая темнота. Скинхед вынул из поясной сумки и включил фонарь. «Хоть это у меня осталось». Щелк – и луч света вырвался в подземную темноту, осветил ржавеющую вентиляционную установку. Убер пошел вперед – вот огромный вентилятор, тоже ржавый, в слое пыли, он перекрывает туннель; левее вентилятора, в перегородке – ход. Убер пригнулся, протиснулся в узкую дверь.

Вскоре он вышел из ВШ, спустился вниз, к путевому туннелю. Луч фонаря пробежал по заросшим пылью тубингам. Звук приближался. Действительно, вскоре из темноты туннеля выехала дрезина мортусов. Катки скрежетали по ржавым рельсам. Путевой фонарь светил тускло и слабо.

Убер взгляделся.

На прицепной платформе лежали два брезентовых свертка, по форме – человеческие тела.

Мортусы были в серых брезентовых плащах с капюшонами, закрывающими головы, в белых масках на лицах. Фонарь горел на носу дрезины, освещая неровным подрагивающим светом отрезок туннеля. Батарея у них садится, подумал скинхед. Понятно.

Дрезина медленно приближалась.

Убер почесал затылок. Потом сделал два шага и остановился на рельсах. Прикрыл глаза от света рукой. Дрезина катилась. Свет фонаря уткнулся в Убера. Высокий силуэт скинхеда бросил длинную мощную тень в глубину туннеля. Чей-то голос сказал: «Что за?..»

Скрежет тормозов. Дрезина нехотя замедлилась. Убер выпрямился. Дрезина докатилась и окончательно остановилась сантиметрах в тридцати от его ног.

Мортусов было двое. Младший держал рукоять тормоза, старший почти дремал, сидя на носу. Нахохлился, как брезентовый воробей.

– Кхм, – сказал Убер. Эхо подхватило и откашлялось вдалеке. Младший мортус смотрел на него с раздражением.

Старший поднял голову.

– Чего тебе?

Голос звучал глухо и отдаленно.

– Уважаемый, вы до станции? – сказал Убер.

Мортус глянул на него быстро, словно полоснул взглядом, нехотя кивнул:

– Да.

Убер почесал затылок. Отношения с мортусами у него всегда были своеобразные.

– А эти – не от чумы померли, случайно?

Брови мортуса поползли вверх.

– А тебе какое дело? – Мортус стянул маску с лица, с наслаждением почесал круглый нос. – От пули.

Убер развеселился.

– А, отлично!

– Что отлично? – не понял мортус. Покрутил головой.

Убер вместо ответа широко и зловеще улыбнулся, показав отсутствующий зуб в ровном белом ряду.

– Шеф, подбрось до станции. Два счетчика!

– Чего?

5. Станция

Дрезина скрипнула и начала тормозить. Заунывный скрежет металла, искры. Убер спрыгнул на ходу, пробежал несколько шагов. Боль пронзила левую ногу, словно внутри нее выросло электрическое дерево... О черт. Он остановился. Похоже, там, наверху, он не только расстрелял все патроны и потерял рюкзак, но и повредил ногу. Убер поморщился, растер колено. Растяжение, что ли?

– Что с тобой, парень? – спросил старший мортус.

Убер выпрямился.

– Ерунда.

– Жить будешь? – ехидно спросил второй мортус. Убер улыбнулся ему.

– Вашими молитвами. Спасибо, что подвезли, – сказал он старшему. Тот безразлично кивнул. Дрезина проехала еще два метра, замедляя ход. Мягко толкнулась в ограничитель, чуть откатилась назад. Остановилась.

Встречающие охранники из местных пялились на Убера в упор. И почему-то молчали. Убер озадачился. Дохромал до блокпоста, забрался по лестнице. Охранники смотрели равнодушно.

– Эй, дружище, – обратился к одному из них Убер. – Кто тут главный, на станции?

Охранник молчал.

– Эй, слышишь?

– Мэр. Туда, – сказал охранник.

– Платить надо?

– Тебе? – Он словно впервые увидел Убера, задержал взгляд. – Нет.

Убер кивнул.

Так, что мы имеем. Серая станция, центрального освещения нет. Несколько световых очагов – это палатки, главная улица проходит между ними. Некоторые места просто затянуты веревками, на них висят простыни – старые, ветхие, застиранные, многие заштопаны. Тоже вариант, в принципе.

«Обводный канал». Убер покачал головой. Одна из немногих станций, где он за все эти годы ни разу не побывал.

Чем ближе к станции, тем более странно он себя чувствовал. Словно она давила на мозг, сжимала виски. Как бывает с жестокого похмелья, когда кажется, голову зажали в висках, а мозг усох и после каждого неосторожного движения колыхается в черепной коробке. Еще эти мортусы...

Он покрутил головой, выкинул мортусов из головы. Крик – вот что могло быть важным. Тот, что он услышал из вентшахты. Убер размял шею, хрустнуло.

«Если бы не рюкзак... – Убер хмыкнул. – Вот идиотски получилось. У тебя нет ни черта, а ты собираешься побыть героем. Нет, не в этот раз. В этот раз я буду сдержанным и... как это слово? – Убер усмехнулся. – Благоразумным, во».

Правда, теперь нужно добираться к своим, а у него нет ни одного патрона. И придется с этим как-то разбираться. «Чертова собака в одну секунду уничтожила мое финансовое благополучие». Ха-ха. Ха-ха.

Он пошел по платформе. По опыту, сейчас ему предложат что-нибудь купить.

«А вообще странно, что с меня не взяли пошлину.

Но, может, мне сегодня везет».

Он потер ногу. Колено ныло.

– Должно же хорошим людям иногда везти? – сказал Убер вслух. Прохожий покосился на него, но ничего не сказал. Ускорил шаг.

Убер помедлил и пошел дальше.

Да обычная станция, успокойся, сказал он себе.

«Что тут может случиться?»

6. Перо ангела-2

На ладони Мики лежало перо. Черное, старое и грязное. «О боже», – подумала Нэнни. Не хватало еще заразиться и помереть тут.

Мика подняла взгляд. Глаза карие, теплые. Длинные ресницы. В глазах горит огонек.

– Это... – начала она. Нэнни раздраженно прервала:

– Да-да, я помню. Это перо ангела.

Мика кивнула. Легко и торжественно.

– Да.

«Ох уж этот ребенок, – подумала Нэнни. – Как втемяшится что в голову, не переубедить».

Заговорила:

– Какой же это должен быть ангел? С черными перьями! Это какой-то совсем неправильный ангел.

«Как будто у нас есть выбор – между правильным и неправильным ангелом». Нэнни перевела взгляд на свою корзину. Вот, почти набрала. А у девчонки только половина. Все приходится делать самой, подумала она в сердцах.

– Когда он придет, – сказала Мика, – я отдам ему перо. Красивое, правда?

– Зачем ему эта ерунда?

– Как зачем? Без пера он не сможет...

– Чего? – спросила Нэнни с сарказмом. – Летать, что ли? Вот фантазерка!

Девочка словно не слышала:

– ...Подняться на небо обратно.

«Ворота, – подумала Нэнни невольно. – Райские врата».

– К воротам?

Мика кивнула.

– Я так люблю ворота. – Нэнни мечтательно покачала головой. И вдруг очнулась, сообщила, что делает. «Чертова девчонка, опять меня провела». Нэнни с трудом поднялась на ноги, сердито буркнула:

– А ну, пошли быстрее!

– Нэнни? – Мика удивилась.

– Хватит уже шляться по туннелям. Обедать пора.

7. Найди мою маму

Итак, подвел итог Убер, шагая к станции от блокпоста. Ситуация следующая. Патронов нет, снаряжения нет, запасных фильтров нет. Рюкзаку каюк. Жрать нечего, работа будет или нет, неизвестно. Ситуация просто мечта.

Станция чужая, незнакомая, на другом конце метро. Дальше на юг – только Кладбище. «А пацаны ждут меня на “Садовой”. – Убер покачал головой. – Хотя, может, я здесь найду кого из знакомых. А если нет... Придется что-нибудь придумать, и срочно. Впрочем, бывало и хуже. Живой, здоровый, и ладно».

Ноги ступали бодро и упруго, даже колено почти перестало болеть. Все-таки хорошо быть живым, подумал Убер. Главное, держаться подальше от неприятностей, и все будет отлично. Как он обещал Седому.

Станция «Обводный канал» – пилонная, глубокого залегания, центральный зал такой же длины, как и путевые туннели. Свободного пространства хватает. Убер шел и привычно отмечал детали.

Два путевых туннеля – частично используются как ферма и жилье. А центральная часть платформы заселена, и плотно.

В конце платформы, у барельефа с фотографией, располагался небольшой рыночек. Даже отсюда Убер слышал гул голосов и радостный шум торговли.

Металлические фермы – на них висят полотнища, отделяя жилые помещения по бокам платформы, так что для главной улицы остается широкая прямая полоса. Обводный проспект прямо-таки, подумал Убер.

За световыми карнизами прятались фонари. Приглушенный электрический свет ласкал глаза. Особенно после этого моря расплавленного солнца наверху.

Людей на станции в этот час немного. Местные оглядывались на Убера, видимо, чужие сюда заглядывали не слишком часто.

Убер дошел до палатки с вывеской «Спятивший краб». «Похоже, я знаю, где у них можно пожрать и выпить, – подумал Убер. – Осталось выяснить, дают ли они кредит». Повернулся...

– Ох! – произнес детский голос.

Убер остановился.

– Смотри, куда прешь, лысый! – Недовольный женский голос.

Перед ним были двое. Пожилая женщина с усталым, недовольным лицом, в красной вязаной кофте, и маленькая девочка в желто-голубой кофточке и смешном платье. Темные волосы заплетены в косички. У женщины в руках была корзина. Корзина девочки лежала на полу, пять или шесть грибов распытались по мрамору.

– Сорри, – сказал Убер. Кажется, он задел девочку, когда поворачивался. – Прошу прощения, о прекраснейшая. Моя вина.

Женщина смотрела на него сурово, Убер даже на мгновение смутился. Словно он когда-то с ней крутил роман, все было прекрасно, пока он однажды не сбежал ночью безо всяких объяснений. Женщины часто так смотрели на Убера. Скинхед наклонился, подобрал вылетевшие грибы, положил в корзину девочке.

Выпрямился.

– Думаю, мне стоит проследовать в заданном направлении, – сказал он. – Так?

– Иди-иди, – сказала женщина.

– Ну, я ж не червонец, чтобы всем нравиться.

Убер усмехнулся, подмигнул девочке.

Та смотрела на него пристально. «Какая странная маленькая девочка, – подумал Убер. – Взгляд, как у пассажира "Титаника"».

– Что? – спросил Убер. Девочка смотрела на него не отрываясь. Карие глаза, длинные ресницы.

– Ты пришел, – сказала она.

Убер подождал продолжения. Но девочка, похоже, сказала все, что собиралась. Скинхед почесал затылок. «Говорит так, словно меня знает».

– Привет, странная девочка. Да, я пришел. Неужели меня здесь ждали? – Убера вдруг осенило, он внимательно взгляделся в лицо девочки. Что-то в ее чертах было знакомое, возможно, даже родное. «Неужели этот момент настал?» – подумал Убер. Как говорил один его старый друг: пора приглядываться, может, где-то уже бегают маленькие «уберы»? – Хмм. Может быть, я знаю твою маму?

Девочка покачала головой.

– Это вряд ли. Думаю, она умерла.

«Вот блин».

– Умерла? Когда?

Девочка пожала плечами:

– Не могу сказать точно. Но я очень давно ее не видела. Если десять дней означает смерть, значит, моя мама умерла три раза назад.

Убер моргнул. По затылку пробежал озноб.

– Однако. – Он сел на корточки, чтобы быть одного роста с девочкой. Но все равно оказался ее выше. – Мне очень жаль, сестренка, – произнес он мягко.

Девочка посмотрела ему в глаза.

– Найди мою маму.

Черт. Убер моргнул от неожиданности.

– Но...

Такого предложения он не ожидал. Может, она ненормальная? Убер взгляделся. Да нет, прекрасная девочка. Просто – это горе. Горе часто делает людей прямолинейными.

– Но зачем, если она умерла?

Девочка кивнула.

– Я понимаю, что она умерла. Но вдруг... – Она помедлила. – Вдруг я ошибаюсь?! Я же могу ошибаться, правда? Ведь мне всего шесть лет.

Молчание. Женщина только вздохнула. «Тридцать дней назад?» – подумал Убер. Ох, это вряд ли.

Убер сказал мягко:

– Это было бы хорошо, сестренка. Но в последнее время я мало верю в счастливые случайности.

Девочка вздохнула. Он встал и выпрямился в полный рост. Посмотрел на нее сверху вниз.

– Прости, сестренка.

Девочка задрала голову.

– Ты придешь ко мне в гости? – спросила она.

Убер помедлил. Склонил голову на плечо.

– Хмм. Хороший вопрос. Как тебя зовут, странная маленькая девочка?

Девочка засмеялась. Круглая рожица, ямочки на щеках. Симпатия, когда не выглядит, как потерпевшая кораблекрушение.

– Мика, – сказала девочка. – А тебя?

Скинхед улыбнулся.

– Убер.

Мика задумчиво почесала короткий нос.

– Что это значит?

Убер задумался. Сначала он хотел ответить шутливо, как Юре, но передумал. Девочка по имени Мика заслуживала совершенно серьезного ответа.

– Тот, кто находится на самом верху, – сказал он наконец. – И смотрит вниз, чтобы все было в порядке.

Он буквально перевел с немецкого свое прозвище. Убер-фюрер означает «над-вождь». Можно, конечно, было бы сказать «тот, кто властвует над всеми вождями», но это было бы нескромно. Да, точно, нескромно. Когда-то Уберфюрером его прозвали злейшие враги – вкладывая в это прозвище издевку и презрение. А он сделал из этого прозвища знамя. Убер усмехнулся. Хорошие были времена.

Услышав это, Мика замерла. Глаза вдруг вспыхнули:

– Ты... я знаю, кто ты!

«Черт, что я такого сказал?»

Убер моргнул.

– Прости, мне надо идти. Пока, странная маленькая девочка.

Он махнул рукой и пошел. Дел еще не поворот.

Мика крикнула вдогонку:

– Ангел!

Женщина шикнула на девочку:

– Мика! Как не стыдно!

Убер замер. «Ангел?» Он почесал затылок, виновато усмехнулся. «Если бы». Повернулся к девочке:

– Что? Как ты меня назвала?

Мика вдруг закричала:

– Так ты придешь в гости?

Убер засмеялся. Вот женщины. Никогда не отступают.

– Хорошо.

Мика очень серьезно кивнула:

– Обещаешь?

– Да.

Женщина заворчала. Кто она ей, бабушка?

– Оставь человека в покое! Простите ее, она назойливое дитя.

Убер усмехнулся.

– Я тоже.

– Что? – Женщина недоуменно подняла брови.

– Я тоже весьма назойливое дитя. Не обращайтесь внимания, я шучу.

Женщина осталась стоять с открытым ртом. Убер помахал ей и девочке, повернулся, закинул баул с вещами на плечо и пошел.

* * *

Нэнни посмотрела, как он уходит, повернулась к Мике. Нахмурилась, покачала головой.

– Ты чего привязалась к этому головорезу? Он же страшный, как убийца какой-то. У меня аж мурашки по всей руке от его взгляда. Вылупит голубые глазищи и смотрит.

Мика почесала руку, затем затылок. Прикусила губу.

– Мика! – прикрикнула Нэнни.

– Он сам сказал, – произнесла Мика торжественно. Посмотрела Нэнни в глаза. – Он тот, кто смотрит сверху.

Нэнни вдруг сообразила. «О, только не это».

– О нет.

– Ангел, – сказала Мика.

Нэнни вздохнула. Зная характер Мики, можно даже не пытаться. Переубедить упрямую девочку невозможно.

– О боже, – сказала Нэнни. – Боже, боже. Мне нужно выпить... чаю. Мика, хочешь чаю? – Она на секунду отвлеклась. – Вкусного... Когда ж это мучение закончится? За что мне это?!

Глава 3

1. Чечен

На платформе скучал охранник. Высокий, почти одного роста с Убером. В черном полувоенном комбинезоне и кожаной байкерской куртке. Куртка крутая, оценил Убер. На пять баллов. «Мне нравится». Охранник заступил Уберу дорогу, встал, положив руки на ремень. Скинхед остановился, опустил мешок на платформу. Видимо, сегодня по-простому ничего не будет. Эх.

Охранник бесцеремонно смотрел ему в глаза. Вблизи он оказался поменьше ростом, зато крупнее телом, плотнее. Кавказский тип, горбатый нос, небритость, «я такой охуительный» в глазах.

– Стой, – сказал охранник зачем-то.

Убер спросил равнодушно:

– Я тебя знаю?

Охранник протянул руку, но Убер просто стоял, глядя на него и молча улыбаясь.

– Меня зовут Чечен, – сказал охранник гортанно.

Убер поднял брови.

– И?

Если охранник смутился, то ненадолго. Он с силой скомкал волосатыми пальцами ткань куртки на плече Убера, попытался зажать мышцу. Скинхед никак не реагировал на боль. Охранник нахмурился.

– Меня надо бояться, – сказал охранник медленно, с отчетливым акцентом. – Ты слышал про чеченцев? Мы страшные. Нас до Катастрофы все боялись.

Убер помедлил, спросил с интересом:

– Очень страшные?

Вопрос сбил охранника с толку. Он захлопал глазами.

– Э... В каком смысле?

Убер склонил голову на плечо.

– Мне надо знать. Насколько чечены страшные?

Пауза. Охранник схватился за оружие. Расстегнул кобуру с пистолетом.

– Ты че, совсем оборзел?!

Убер поднял руки. Открытыми ладонями. Показал, что безоружен.

– Тихо-тихо, – сказал он. – Подожди, друг, не заводись. Я хочу понять. Понимаешь, для самоуважения. Одно дело – бояться просто потому, что боишься. Это обидно. Совсем другое – иметь вескую причину для страха. Просто скажи – вот вы, чечены, страшные насколько: охуеть как страшные или не охуеть?

Чечен задумался. Думал он мучительно долго, Убер даже успел немного заскучать. «Вот медленный газ».

– Ну... – сказал Чечен наконец. – Охуеть как.

Убер покачал головой:

– Правда? Ты меня убедил. Я потрясен. Теперь не буду спать ночами. Буду с трудом удерживать контроль над мочевым пузырем. И конечно, много-много пиздеть – скорее всего, от нервов. Слушай, ты, вонючее чудовище...

Чечен вскинулся:

– Че сказал?!

Убер мгновенно перехватил его руку на своем плече, заломил. Безжалостно и быстро, очень профессионально. Ладонью зафиксировал локоть охранника, нажал. Чечен согнулся пополам, едва не уткнулся носом в бетон платформы. Рука его оказалась задрана вверх, пальцы дрожали от напряжения.

– Аааа! – закричал он сдавленно.

«Ну, шума нам не надо».

Убер быстро ударил его локтем под ребра, охранник упал на колени. У него перехватило дыхание, крик оборвался. Несколько секунд соперники молчали. Убер отступил на шаг и с интересом наблюдал, как Чечен пытается прийти в себя и отдышаться.

Чечен со свистом втянул воздух, поднял голову. От боли у него на глазах выступили слезы.

– Я тебя... убью, сука. Убью! Все равно убью!

Он даже не заметил, что заговорил без акцента. Скинхед поднял брови.

– Я понял.

Чечен закричал:

– Убью, с-сука, понял?!

Убер кивнул:

– Понял, понял, не нервничай.

– Ты не знаешь, с кем связался! – закричал Чечен. Он брызгал слюной, все больше распаляясь: – Я – Чечен!

«Какой ты на хрен чечен, балда? Ты кто угодно, только не чеченец. Как называется в природе, когда безобидный жук маскируется под страшного ядовитого убийцу, под хищника, чтобы его не сожрали? Забыл. Было там какое-то слово...»

Убер заговорил размеренно и успокаивающе:

– Не волнуйся, я запомнил. Ты – большой и страшный чечен, тебя надо бояться. Как скажешь. Считаю, это вбито в мою подкорку. Навсегда. Просто мне сейчас некогда. Честное слово, чувак. Обещаю, я скоро вернусь и буду бояться как следует. Договорились? Мэр где? Там? – Скинхед мотнул головой в конец платформы.

– С-сука, – выдавил Чечен. В глазах стояли слезы. – Я тебя все равно достану!

Убер посмотрел ему в глаза. Чечен замолчал.

– Все? – спросил Убер.

– Да. – Тут Чечена, видимо, осенило, кто с ним великим мог так бесцеремонно обойтись. Его лицо просветлело. – Ты... ты сталкер, что ли?

– Диггер, – сказал Убер.

– А! – Он помедлил. – Это же... как сталкер?

– Почти, только с двумя «г».

Чечен захлопал глазами.

– Я смотрю, тебе все понятно, – сказал Убер. – Умище-то не скроешь. Ну, бывай, чудовище. Увидимся еще. Береги себя.

Убер закинул мешок на плечо и пошел. Чечен с ненавистью смотрел ему вслед. Потянулся к пистолету... и скривился от боли. Рука, безжалостно вывернутая Убером, болела и едва слушалась. Убер остановился, повернул голову. Чечен убрал руку от кобуры. Его трясло от злости.

Убер пошел дальше.

2. Знакомство с мэром

Кабинет мэра «Обводного» располагался в торце платформы, рядом с панно «Обводный канал, начало XX века». Скинхед постоял, разглядывая изображение, хотя уже видел его. Интересно, что бы сказали фабриканты того века о том, что сейчас происходит?

Убер прошел между рядов, на стене висел указатель. «Мэр налево». Убер развеселился. Наш мэр всегда идет налево. Сколько он себя помнил, ему всегда не хватало терпения не выеживаться перед властью. Или хотя бы держать рот на замке.

Дверь была в конце длинного прохода вдоль платформы. Серая, унылая.

Убер постучал.

– Входите, – сказали оттуда. Убер толкнул дверь, наклонил голову, чтобы не врезаться в низкую притолоку, и шагнул через порог.

Выпрямился, огляделся. На вкус скинхеда здесь всего было слишком – какие-то безделушки, статуэтки, лампы, занавески. В углу – Убер на мгновение вздрогнул, рука дернулась к ножу – чучело медведя.

В комнате было темновато. Только фонарик раскачивался под потолком, освещал желтоватым светом столешницу и руки человека над бумагами. Человек работал. Писал что-то неровным крупным почерком.

– С какой целью здесь? – спросил человек, не поднимая головы. Голос дребезжал и гудел, словно чуть расстроенная гитарная струна. Лицо его все еще было в тени. Убер прищурился.

– Случайно.

Человек поднял голову.

– Прибыли туннелем? – спросил дежурно.

– Нет. – Убер помедлил, усмехнулся. – По поверхности.

Молчание. Мэр молчал, видимо, переваривал новую для него информацию.

– Один?!

– А сколько надо? – удивился Убер.

Мэр выдвинулся вперед, на свет – и Убер наконец-то его рассмотрел.

Лет сорок пять – пятьдесят. По меркам метро – вполне солидный возраст. Правильное, но жестко-дряблое, сильно морщинистое лицо, седые пряди, седые намеки на бороду.

– Насчет поверхности – серьезно? – спросил мэр. Он слегка сутулился, как бывает у стариков, хотя стариком еще не был.

Убер пожал плечами. Хотите верьте, хотите нет.

– Тогда что ты здесь делаешь? – спросил мэр.

– Иду в обратном направлении.

– А как же мутанты?

Вместо ответа Убер выложил на стол дробовик, правда, без патронов. Затем вытащил из ножен и положил сверху кукри. По опыту он знал, что такая циничная демонстрация наглости быстрее помогает найти заказы. Мэр со странным выражением на лице разглядывал свое отражение в огромном лезвии.

– Работа какая-нибудь есть для меня? – спросил Убер. Мэр с трудом оторвал взгляд от ножа и покачал головой.

– Так я и знал, – сказал Убер. – Удача просто следует за мной по пятам. Тогда я сегодня выдвинусь отсюда... хмм, на «Звенигородскую», например? Спасибо вашей станции, пойду к другой.

– Можешь выдвинуться, – согласился мэр. Слегка улыбнулся. У него были очень светлые, выцветшие глаза с желтизной. Покрасневшие и, видимо, сильно близорукие. Усмехнулся. – Почему бы и нет? Только на «Звоне» карантин.

«Черт».

Убер помедлил.

– Бинго! И надолго?

– Два дня назад объявили.

«Блять».

– Ничего страшного. Неделя-другая...

– Это чума, – сказал мэр.

– Ч-черт. – Убер почесал затылок. – Похоже, мне придется найти себе на некоторое время занятие, а?

– Не перетрудись только. А вообще забирай с моего стола свое барахло и вали отсюда на хер.

Убер засмеялся. Спрятал кукри в ножны, закинул ремень дробовика на плечо. Мэр смотрел на него устало и раздраженно.

– И не забудь заплатить пошлину, – сказал он в спину Уберу.

Скинхед замер, повернулся в дверях.

– Так сказали, что нет пошлины.

– Это для транзитных пассажиров.

Убер вздернул брови, нахмурился.

– Какой транзит, у вас тут тупик?

– Закон есть закон, – сказал мэр. – Ничего не могу поделать. Только если не заплатишь, улетишь пинком под зад с территории станции – в течении пары часов. Прямо на свежий... кхм... воздух. А твое имущество пойдет в уплату.

– Значит, так, да?

– Да, так. А ты думал, в сказку попал?

– А как же я заплачу, если работы нет? – спокойно спросил Убер.

– Не мои проблемы, – сказал мэр.

– Тогда мне нужен кредит.

– Обойдешься.

– Ясно, – сказал Убер. Закинул на плечо баул, пошел к двери. Мэр несколько секунд смотрел в его упрямую спину, затем снова вернулся к бумагам.

– А кстати, совсем забыл. – Убер повернулся на пороге. Невинно посмотрел на главу «Обводного канала». – А зачем прибыли мортусы? Кто у вас тут умер?

Молчание.

Мэр смотрел на незваного гостя, не мигая. Лицо его потемнело. Убер даже отсюда чувствовал тяжелый жар его раздражения.

– Не уверен, что это твое дело, – сказал мэр. Открыл папку, словно занят делом, начал листать страницы.

– Скорее всего, – легко согласился Убер.

– Уверен, что не твое, – отрезал мэр. Захлопнул папку. – Вали из моего кабинета.

– Так я поинтересуюсь у мортусов, что да как, – спокойно произнес Убер. – Они ж теперь мои кореша. Че нет-то? Вдруг тут у вас кто не просто так умер, а с осложнениями. Может, и тут карантин не помешает, а?

Мэр вздрогнул.

– Угрожаешь? – спросил он.

– Бог с тобой. Договариваюсь о скидке.

Мэр поднял голову. Убер видел, как в нем борются сомнения. Жила на шее мэра едва заметно дернулась, и тот непроизвольно прижал ее ладонью. «Что они, черт возьми, скрывают?» Убер не знал, но жопой чуял – неспроста это, он задел чувствительное место. «Неужели чума добралась и сюда? Ох». Скорее всего, обычная контрабанда.

– Так что? – спросил Убер. – Я сметаюсь к мортусам? Как думаешь, ваше мэрство? Мне попиздеть лишних полчаса – делать не хуй.

Мэр медленно кивнул, отвел взгляд. «Старый говнюк», – подумал Убер. Стоп, стоп, поправил он себя. Не стоит так скоропалительно вешать ярлыки. «Не старый».

Мэр прищурился, глядя на Убера. Взял со стола очки, надел. Глаза стали огромные, беззащитные.

– Ладно, – глухо сказал он. – Подарочная акция. Сегодня без пошрины. Скажи там в столовой, тебя накормят. В кредит.

– И нальют?

– Один стакан, – буркнул мэр.

– Крепкого!

– Договорились.

– Обожаю скидки, – сообщил Убер доверительно.

Мэр посмотрел на него почти с ненавистью.

3. Лучший мэр в мире

Местная столовая, она же клуб и бар, называлась «Спятивший краб». Название отличное, подумал Убер. Еще бы само заведение не подкачало. Название обязывает. Легкая сумасшедшинка была бы в тему. Это Питер, детка.

Это была большая палатка без потолка – вернее, каркас из легких труб, обтянутый по периметру тканью. Светильники по углам и над стойкой, собранной из деревянных ящиков, давали мутный желтоватый свет.

Убер вошел, остановился на пороге. Огляделся. Пять столов, стойка бармена, несколько лавок и стульев. В палатке стоял дым столбом, крик, споры, стук кружек и стаканов. Аромат сивухи забавно мешался с выдержанным запахом нестиранных носков. «Очень надеюсь, что это не запах местной еды», – подумал Убер. Сделал шаг вперед.

Начнем с выпивки, пожалуй.

Он вдруг опять почувствовал то смутное чувство беспокойства и давления, которое появилось, когда он приближался к станции. Только сейчас оно было сильнее. Виски давило, голова трещала, как перед грозой. Убер помотал головой. Новое сверлящее чувство возникло в затылке, словно там что-то шевельнулось. Магнитные бури сегодня, что ли, подумал Убер в сердцах. Голова как чугунный колокол. С трещинкой.

Внезапно один из посетителей поднялся и заявил:

– Зато мэр у нас охуительный!

– Это да! – Его тут же поддержали. Вскочил следующий посетитель. Убер окинул взглядом зал, почесал лоб. Что тут происходит, а? «Видал я вашего мэра, ни черта там охуительного»...

– Наш мэр всяким мэрам мэр! – провозгласил посетитель. Лицо у него было недоуменно-восторженное.

– Точно! Верно говоришь!

«Какое забавное единодушие», – подумал Убер.

– И чем он так охуителен? – с интересом спросил Убер. Молчание. Все обернулись к наглому чужаку. – Да не-не, вы не отвлекайтесь. Вы пообедайте. Жрите, как говорится, спокойно. Так чем?

Люди притихли. Переглянулись. Один местный – плотный здоровяк – начал подниматься. Вслед за ним встали еще двое, видимо, его приятели.

– А ты кто такой, чтобы здесь выебываться? – спросил толстяк, шагнув к Уберу. Двое двинулись следом, как хвостики.

Убер с интересом оглядел его, кивнул.

– А я выебываюсь вне зависимости от географии.

– Че сказал?!

Убер ударил. Толстяк схватился за горло и осел, захрипел, как при смерти. Повалился на бок. Двое рванулись на выручку, но тут же натолкнулись на безмятежный взгляд скинхеда. Убер смотрел на них с приглашением – давайте, попробуйте. «Хвостики» переглянулись и отступили.

– Вот вам моя визитка, – сказал Убер и потер ребро ладони. Толстяк начал подниматься. Убер встал, резко ударил здоровяку по ушам ладонями. Тот взвыл и упал на пол.

– С золотым обрезом. Кто-то еще хочет, чтобы я представился? – Скинхед оглядел палатку. Все молчали.

Вдруг поднялся еще один мужик – ростом с Убера, смугловатый, крепкий, битый жизнью. Нос с горбинкой, шрам на крупной челюсти. Виски с сединой, а взгляд без страха. «Так, – подумал Убер. – Этот будет посерьезней».

– Я не против, – сказал мужик.

Убер некоторое время смотрел на него, затем кивнул.

– Ну, пошли выйдем. Поговорим.

– Визитками обменяемся? – Мужик усмехнулся.

«А нормальный чувак, похоже», – решил Убер.

– Ага. Деловой завтрак, все дела.

Соперники вышли на платформу. Мужик сбросил куртку, покрутил головой, встал в боксерскую стойку. Убер размял руки, попрыгал, похрустел суставами. «Развлекаться, так на всю катушку».

– Понеслась, – сказал Убер.

В этот раз пришлось попотеть. Мужик оказался крепким и опытным в драках. Весом и комплекцией противники были один в один, так что все решали боевые навыки и выносливость.

Обмен боксерскими ударами, затем Убер вышел на силовой прием, ударил мужика по бедру кулаком, после бросил через плечо. Мужик с грохотом обрушился вниз, на бетонный пол, словно мешок с картошкой. «Отлично вышло», – подумал Убер. Всегда бы так. Мужик застонал сквозь зубы. Потом уперся руками в пол, напрягся... Убер покачал головой:

– Все, мужик, мир. Я тебе втащил, ты мне втащил. Успокойся.

– Я тебя зарэжу. Зарэжу. – Он потянулся к поясу. «Ну вот, – огорчился Убер. – А так хорошо все начиналось». На поясе у мужика висел нож в ножнах. Убер видел коричневую лаковую рукоятку.

В последний момент мужик убрал руку, сжал ее в кулак. Убер кивнул. «Другое дело».

Мужик начал подниматься. Когда он встал, Убер коротко и резко всадил несколько ударов в солнечное, в челюсть, под ребра. «Всегда работай связками», – говорил учитель Убера по рукопашке, там, в Якутске. Сто тысяч лет назад.

Мужик задохнулся и упал.

Убер помог ему сесть. Достал из кармана самокрутку, сунул мужику в зубы. Вынул зажигалку, пластиковую, одноразовую. Покрутил в пальцах. «Надо хоть нормальной зажигалкой обзавестись когда-нибудь», – подумал Убер.

Помог мужику прикурить. Тот затаился, закашлялся.

– Тьфу, черт, – сказал мужик. – Забористые.

– Дыши глубже, – посоветовал Убер. – Ну, как тут у вас? Только честно.

Местный вздохнул, вынул сигарету изо рта, выпустил синеватый дым. Облако поплыло над платформой. Мужик выплюнул кровь, потрогал пальцами челюсть и почти весело посмотрел на Убера:

– Честно? Полная жопа. Уходи отсюда, странник, пока можешь. Нам уже поздно.
«Интересное заявление». Убер помедлил.
– Несильно я тебя?
– Да не... нормально. Жить буду.
– А зовут тебя как, жилец?
Мужик покосился на него.
– Мамед.
– А полностью?
– Мамед Нуртумбеков.
Убер почесал затылок.
– Даг, что ли?
– Я хороший даг, – почему-то разозлился мужик. Глаза сверкнули. Опять потянулся к ножу. Убер покачал головой – не надо.
Мужик опустил руку. Хорошо. Убер кивнул.
– Ага-ага, хороший. Вас, когда отпиздишь, вы все хорошие.
– Круто ты берешь... – только и сказал Мамед.
– Обиделся? Зря. Ты вроде нормальный мужик, хоть и даг. Но если бы ты нож вытащил, я бы тебя убил. Сначала бы руки переломал, а потом убил на хуй. И на трупе попрыгал. И обоссал бы еще. Но вот видишь, как все хорошо сложилось. Красота просто. Люблю, знаешь, когда никого убивать не надо. У меня такие дни – наперечет.

4. Мика и Нэнни

– Мика, иди мыть руки, – позвала Нэнни.
Девочка подняла голову, затем опустила – волосы свесились и закрыли ей лицо. Нэнни вздохнула. Все опять начинается.
Они вернулись в палатку и позавтракали. Грибы оказались невесть что, суховатые и жесткие, но все же еда. А что будем есть вечером... Нэнни вздохнула. Придется опять ходить по станции, искать какой-нибудь работы. Руки опускаются. Вот так подумаешь об этом – и хочется лечь и никогда не вставать. «А тут еще эта малявка...»
– Ты опять не слушаешься? Да что ж такое, Мика? Мы же договорились.
Мика молчала. Она разложила свои игрушки: половинка пластиковой коровы, монетка с орлом с двумя головами, камешек с красноватым пятном – камешек звали Миша, он был потомственным сибирским медведем, и черное перо со слипшимися ворсинками. Нэнни вздохнула. «Ненавижу это перо».
– Мика! Ты не слушаешься!
Девочка подняла голову:
– Я вообще не понимаю, почему я должна слушаться.
Ну вот, упрямство пошло на второй круг. Следующим этапом будет молчание. И «э!» на все вопросы или указания.
И никакие уговоры не помогут.
– Тебе нужно повзрослеть, – сказала Нэнни с тяжелым вздохом.
– Зачем мне взрослеть?! Разве взрослые делают хоть что-то интересное? Они только устают и слушаются!
– Мика!
Мика вдруг подняла голову и побледнела. Нэнни увидела ее зрачки, расширившиеся до пределов радужки. Бесконечно глубокие.
«Опять», – подумала Нэнни. Положила ложку, вздохнула. Начала подниматься.

И тут пришел далекий протяжный крик. Словно огромное умирающее животное ворочалось где-то там, в глубине туннелей. Мика закрыла лицо руками, задрожала. Нэнни привстала...

– Мика?

Крик оборвался. Девочка открыла глаза. Нет, обошлось.

– Руки помой, – сказала Нэнни сухо. – Тебе полить?

5. Мамед говорит и пляшет

Тут, у края, были полумрак, прохлада и тишина. Самокрутка тлела, стреляла искрами. Плохой табак, подумал Убер. С бревнами, как раньше говорили. Горький дым уплывал в темноту...

– Я бы не отказался от подробностей, – сказал Убер.

Они покурили с Мамедом, сидя у края платформы. За их спиной огнями блистал «Спятивший краб», шумели голоса, звучала даже какая-то самопальная музыка. Что-то вроде дудочки выводило простенькую танцевальную мелодию. Люди начали отплясывать, топая ногами. «Интересные пироги с котятками, – отметил Убер. – А ведь за нами из палатки никто так и не вышел».

Даже чтобы посмотреть на драку.

Нет желающих посмотреть, как бьют кого-то другого, не тебя? Нет, с этой станцией явно что-то не так. «И как сказал бы Седой, это не мое дело. – Убер сжал зубы. – Надеюсь, у пацанов там все нормально».

Мамед помедлил.

– Что здесь, на станции, такого страшного? А? – спросил Убер. – И почему мне лучше валить отсюда как можно быстрее?

Мамед молчал. Хмурый, полуседой, усталый.

– Что вы тут скрываете? Я слышал крик.

Мамед дернулся. Убер кивнул. «Так я и думал».

– Ну же, колись. – Скинхед прищурился. – Кто это кричит?

– Не знаю, – сказал Мамед.

– Так. – Убер помедлил. Что Дуралейкин там, в ВШ, что этот Мамед здесь – никто не хотел говорить об этих криках. – Хорошо. Не хочешь рассказывать, не надо. Боишься?

Мамед дернулся. Вспыхнул, опять потянулся к ножу. Убер снова посмотрел ему в глаза – рука остановилась. «Да что у них за мания, сразу за нож хвататься? Менталитет, бля».

– Извини, – сказал Убер. – Я был не прав. Ты храбрый человек. Тогда поговорим о другом. Кто здесь главный?

Мамед вздохнул с облегчением, выпрямился. Этот вопрос явно был легче.

– Соловей и его банда. Они всем здесь заправляют.

– Соловей? – Убер покивал.

Хоть что-то на «Обводном канале» понятно и просто. Банда держит станцию, банде можно навалить... Ну или просто установить с ними некие жесткие границы и деловые отношения. Вон, даже с кировцами получалось, а это отморозки еще те. После смерти Саддама и развала созданного им «государства всеобщего благоденствия» бандиты как с цепи сорвались. Соловей-разбойник, значит? Убер хмыкнул.

– Очень злой человек, – сказал Мамед. – Нехороший. Подлый. Не связывайся с ним. Он всем здесь рулит... все решает. Убить может.

«Кричали-то они про мэра, а не про Соловья». Мэр – как ширма серого кардинала?

– А как же мэр? – спросил Убер.

Лучше бы он этого не говорил. Мамед вздрогнул. Глаза изменились, остекленели. Он вскочил на ноги и заорал:

– Наш мэр – лучший мэр в мире!

Его самокрутка, кувыркаясь, улетела в темноту, прощально вспыхнув красной точкой.

– Вот это пиздец, – задумчиво сказал Убер. Неторопливо поднялся на ноги, отряхнул штаны. Оглядел Мамеда.

– Наш мэр! Он! Он такой! – продолжал Мамед. На глазах выступили слезы. Этого еще не хватало... Мамед вдруг начал танцевать лезгинку. Истово, словно вопреки. Раз! Раз! Раз! Он выкрикивал:

– Мэр! Мэр! Мэр! Лучший! Мэр!

Эхо летело над платформой. И кажется, в палатках и в «Крабе» кто-то тоже твердил: «мэр, мэр, мэр» – только тише, вполголоса, одними губами. Убер огляделся. Да, похоже, так и есть. В каждой палатке, в каждом закутке звучали тихие «мэр». Интересный стереоэффект.

Довольно жутко.

Мамед танцевал. Словно дрался.

– Музыкальный народ, что ж ты хочешь, – задумчиво сказал Убер себе под нос. Посмотрел на пляшущего Мамеда. С того уже градом катился пот. – Эй! Все-все, спокойно, подземный Махмуд Эсамбаев. Остановись. Твой мэр – самый лучший в мире, уговорил. Сядь, отдохни, расслабься. Выдохни. И послушай, что я скажу... Тьфу, опять на какие-то стихи пробивает. Эй!

– Мэр! – крикнул Мамед.

– Я понял, – сказал Убер. – Не глухой. Стоять!!

Эхо от крика разлетелось над платформой. «Ять... ять».

Мамед остановился, тяжело дыша. Глаза снова стали нормальными – и будто смертельно больными. Он смотрел на Убера, полуседой, измученный, весь в испарине. Со лба катился пот, капал с густых бровей. Капля сорвалась с носа... разбилась о платформу...

– Видишь, странник? – Голос Мамеда был хриплый и надсаженный. – Уходи, пока можешь. Уходи. А мне... мне уже поздно.

Он повернулся и, пошатываясь, пошел обратно в «Краба».

Убер задумчиво потрогал лоб. Однако.

И тут снова раздался крик. Тягучий, тоскливый, мучительный. Так кричат киты на дне океана. Убер когда-то слушал записи. Совершенно inferнальный звук – звук вселенского одиночества. Прямо в животе от него леденело. Вот и тут что-то похожее.

Мамед вздрогнул, на мгновение остановился... Снова пошел как ни в чем не бывало. Исчез в дверях «Краба».

– Вот такой вот, сука, пердимонюкль, – пробормотал Убер, глядя ему вслед.

6. Плохое молоко

– Есть хочешь? – спросила Нэнни безнадежно.

Прежде чем девочка ответила, Нэнни краем глаза заметила, что к палатке кто-то подошел. Высокий темный силуэт вырос за тонкой тканью, остановился... «Ну кто там еще?»

Мика сложила руки на груди, подняла плечи и угрюмо молчала. Она обиделась. Теперь это на полдня минимум. Нахохлилась как воробей, и даже есть не дозовешься, даже если будет умирать от голода. Мика всегда хочет есть. Нэнни вздохнула. А кто ж не хочет?

– Тук, тук, – сказали снаружи. – Дома есть кто?

Нэнни помедлила. Голос знакомый. Но не сказать, чтобы она была рада.

– Кто это? – спросила она.

– Ни за что не догадаетесь.

Ответил насмешливо-хрипловатый голос. По интонациям чувствовалось, что человек за стеной улыбается.

Мика подняла голову. Нэнни посмотрела на девочку с укором, та ответила угрюмым и неуступчивым взглядом. Фыркнула. Нэнни вздохнула. «Ох, когда же это кончится. Как я устала».

Еще этот приперся...

– Можно, – сказала она.

Полы палатки распахнулись, вошел Убер. Ему пришлось сесть на корточки, чтобы поместиться здесь. Несмотря на неудобство, скинхед с интересом огляделся. Увидел Мику, оценил ее угрюмость и обиду и поднял брови. Покивал.

– Я даже не буду спрашивать, зачем ты приперся, лысый, – сказала Нэнни.

Убер хмыкнул. Мика вдруг нарушила молчание и, словно продолжая разговор, произнесла:

– Это он.

Нэнни резко обернулась:

– Кто он?

– Ангел, которого послал мне Бог. Помнишь, я тебе рассказывала, Нэнни?

Нэнни вздохнула. Опять начинается.

– Что это за ангел такой? Господи боже, с черными перьями! Это ворона какая-то, а не ангел. – Она повернулась, оценивающе оглядела Убера с головы до ног. «А красивый мужик, хотя и лысый». – Страшный и наглый. И рожа бандитская у твоего ангела.

Убер засмеялся. Мика исподлобья посмотрела на Нэнни, затем моргнула, открыла рот... Похоже, любопытство сильнее обиды, подумала Нэнни злорадно.

– Кто такая «ворона»? – спросила Мика.

Убер удивился:

– Ворона? Ты что, никогда не видела ворон?

Мика покачала головой.

– Нет.

«Позорит меня перед людьми». Нэнни сказала с упреком:

– Ты в книжке видела!

Мика вздернула короткий нос:

– А в книжке, конечно, все настоящее? Правда? Извини, Нэнни, это тебе надо повзрослеть.

Убер захохотал, уже не сдерживаясь.

Мика нахмурилась, а затем сама начала смеяться, прикрывая ладошкой рот. Эти двое, большой и маленькая, косились друг на друга и смеялись все сильнее.

– Два сапога пара, – сказала Нэнни бессильно. – И оба на левую ногу. И эта ржет. Ты зачем вообще к нам приперся? – Она повернулась к гостю.

– А куда надо? – Убер почесал лоб, посмотрел на Нэнни, ухмыляясь. Насмешливый взгляд скинхеда раздражал женщину сильнее, чем даже несносная девчонка.

– К мэру, конечно. А то какой-то проходимец у нас будешь. Это не годится. У нас на станции все строго.

– Куда-куда ходимец? – заинтересовался скинхед.

– Прохо... мимо!

Убер рассмеялся, скаля зубы.

– У, ну вы сурово зашли... э-э... Как вас по имени-отчеству?

– Фарида Данировна, – с достоинством сказала Нэнни. Мика покосилась на нее, открыла рот... и закрыла.

– Сурово вы зашли, Фарида Данировна, – сказал Убер. – Я аж вспотел от чувства ответственности.

– Ты мне еще поиздевайся, зубоскал лысый!

– Бритый, – поправил Убер.

– Лысый!

– Бритый!

– Нэнни! – возмутилась Мика. – Перестань!

– Ничего-ничего. Пусть правду о себе услышит!

Убер засмеялся. Подмигнул девочке – так, чтобы няня не видела.

– Ну раз надо... Лысый-бритый пойдет к мэру.

Он повернулся к Нэнни, чопорно поклонился – ни дать, ни взять британский аристократ. Мика прыснула.

– До свиданья, любезная Фарида Данировна, – сказал Убер. – Позвольте выразить вам свое непеременимое почтение.

– Никакая она не Фарида! – не выдержала Мика. – Ее имя Наталья Васильевна!

– Правда? – Убер улыбнулся.

– Да! И никакая она не любезная!

Убер засмеялся. Нэнни вздохнула:

– О боже. Что за ребенок.

Убер одним мощным и быстрым движением поднялся, вынырнул из палатки. Миг – и нет. Палатка снова стала просторной. Мика обиженно открыла рот... И тут Убер вернулся. Ухмыльнулся и опустил на пол небольшой мешок. Нэнни с Микой посмотрели друг на друга, затем на скинхеда. Нэнни открыла рот...

– А у мэра я уже побывал, – заявил Убер невозмутимо. – Вот так-то, дорогая Натали Васильевна. Можете не беспокоиться.

– И что? Выгнали? – съязвила Нэнни.

Вместо ответа Убер ухмыльнулся и начал доставать из мешка продукты. Банка тушенки, хлеб, галеты, сушеное мясо, древняя фасоль в банке, полпачки гречки. Лицо Нэнни вытягивалось все больше.

– Откуда это? – Она вдруг насторожилась.

– Мэр впечатлился моими подвигами и любезным обхождением...

– Ну да, – скептицизма в голосе Нэнни хватило бы на небольшой ледник. Вроде того, что потопил «Титаник».

– И в общем, лопайте. Мэр дал добро на мои роскошные обеды в «Спятившем крабе». Бесплатно. В смысле, в кредит. Я взял сухпаем.

– А чем отдавать будешь?

– Что-нибудь придумаю, – отмахнулся Убер.

Нэнни утянула продукты, взялась за готовку. Она запалила карбидку, подкрутила – шшш, шипение газа. И начала колдовать. «Слава богу. Хоть сегодня не придется изобретать кашу из топора».

– Ты сможешь? – спросила Мика. – Ты найдешь мою маму?

Убер вздохнул. Вместо ответа достал самокрутку и зажигалку. Он поднялся, пригнув голову, шагнул к выходу...

– Не уверен, маленькая.

Мика заступила ему дорогу:

– Подожди! Даже если ты не хочешь. Я знаю волшебное слово. Сейчас я его скажу...

Пожа...

Убер выставил руку:

– Нет! Не говори!

– Почему? – удивилась Мика.

Убер смущенно погладил бритую голову:

– Думаю, я не слишком хороший выбор... Ээ, на роль спасителя.

– Почему?

Убер почесал затылок, нахмурился.

– Потому что... хмм. Почему? Допустим, я плохой человек.

Мика покачала головой. «Слабый аргумент, ангел, – мысленно съязвила Нэнни. – Подумаешь еще». Отвернулась, достала нож. Как эту банку вскрыть?

– Моя мама говорила: когда нет хорошего молока, обходишься тем, что под рукой.

Убер открыл рот.

– Я – молоко?

Он вдруг запрокинул голову и захохотал. У него ровные, красивые зубы, и он с удовольствием ржет как конь.

– Плохое молоко!

Мика сказала:

– Ангелы тоже бывают разные. Придешь еще раз ко мне в гости?

Убер оборвал смех, внимательно посмотрел на Мику. Голубые глаза скинхеда напротив карих девочки.

Убер ответил очень серьезно:

– Приду.

Он протянул руку. Мика очень серьезно пожала своей маленькой рукой его жесткие пальцы. Договорились.

Нэнни бросила на них взгляд искоса. Отвернулась. Помешала в кастрюльке тушенку. Вкусный запах мяса, которому уже больше двадцати лет, пополз по палатке. Убер улыбнулся.

– Хорошо пожрать, это одно из главных удовольствий культурного человека! – провозгласил он.

– Ангел? – сказала Мика, когда они уже закончили с ужином и вылизывали тарелки.

Убер поднял голову, застыл с ложкой в руке. На блестящей поверхности прилипли гречинки. Смешной.

– Да?

Мика замялась, затем спросила:

– Что такое «молоко»?

Глава 4

1. Жажда

Всю ночь ему снилось, как в затылок слепо, неловко тычется неуклюжий мокрый нос мастифа. «Пошли гулять, хозяин». У него когда-то были две собаки, бойцовские, натасканные и воспитанные. Он морщился и отталкивал нос ладонью, бок леденел от холода, словно опять заснул на склоне Ус-Хатын после праздника лета.

«Пошли гулять, хозяин».

«Отстань», – бурчал он во сне, переворачивался на другой бок. Рано еще. Спать хотелось так, что тонкая металлическая нить пронизывала насквозь сердце – и тянула, и резала изнутри. Морда снова начинала тыкаться. «Алый? Герцог?» – позвал он. Убер мучительно не мог проснуться и снова и снова отталкивал в полудреме мокрые собачьи носы.

В какой-то момент он понял, что хочет выпить. Так неумолимо, что готов бежать за глотком хоть на край света. Готов бежать и бежать, чтобы найти в холодильнике ледяной водки или глоток темного пива. Два глотка. Снимаешь пробку и – выливаешь в себя. Темнота наполняет тебя изнутри, по пробку. И наступает блаженный покой. Сияние. Он закрыл глаза и снова ушел в дрему.

Проснулся совершенно измученным. Посмотрел на Нэнни, как чужак, осунувшимися мертво-голубыми глазами. Для ночлега ему выделили койку, вторую заняли Нэнни с Микой. Девочка все еще спала, скомканное одеяло скинуто в сторону. Убер кивнул Нэнни, быстро оделся и вышел из палатки. Нэнни проводила его взглядом.

Убера вела жажда.

* * *

В «Спятившем крабе» в этот час посетителей почти не было. Свежевымытый гранитный пол блестел как серое, исцарапанное стекло. Стулья были составлены на столы ножками вверх. Только за крайним столом, в дальнем углу, сидели два каких-то мужика в фуражках. От влажного пола поднимался характерный аромат сырости.

Убер сел за стойку, собранную из деревянных инструментальных ящиков, кивнул бармену. Тот подошел, вытер стакан полотенцем, вопросительно посмотрел на Убера. Это был худой парень лет двадцати, совершенно невозмутимый, с хаотично выбритыми по свежей метрошной моде полосками в коротких волосах. Словно мазки кисти Пикассо. В левом ухе у бармена была серьга.

– Крепкого, – сказал Убер. – И запиши на мой счет.

Бармен кивнул. Поставил перед скинхедом стакан и достал бутылку. Когда он открыл пробку, в нос Убера ударил мощный сивушный аромат.

– Не ослепну? – спросил Убер недоверчиво.

Бармен пожал плечами.

– Ни один слепой к нам пока не возвращался. – Голос у него был вежливо-нейтральный.

– Вот ты тролль, – сказал Убер с уважением. Бармен налил до половины. Скинхед протянул руку и взял стакан. Не из-под виски – а классический советский граненый стакан. Сколькото там граней, Убер забыл.

Выдохнул и залил в себя. Подождал. Главное было дожидаться первой волны тепла. А дальше все пойдет только лучше и лучше. «Ты уверен?», спросил голос, подозрительно похожий на голос Седого. Возможно. Или нет. Не уверен. Возможно, все будет плохо.

Он почувствовал ее присутствие, еще когда она только вошла. Затылком. Судя по тому, как изменился ритм ее шагов, она тоже кое-что почувствовала.

– Светлана, – сказала она и села за стойку. Длинные темные волосы, лет тридцати пяти, высокая. Глаза зеленоватые. Полные бедра, крупная грудь, все как Уберу нравилось.

– Убер, – сказал он.

– Что это значит?

«Все меня об этом спрашивают».

Убер усмехнулся, поднял стакан.

– Не важно. Твое здоровье... – Он выпил. – Ты местная?

– А что?

– Замечательная станция, – сказал Убер. – Все друг друга любят, никто никого не кидает... Верно? – Он усмехнулся.

– Если ты так говоришь, конечно, – сказала она. «Хорошая женщина, – подумал Убер. – Умная».

И красивая.

– И никто даже не скажет, кто это кричит. Туннели стонут... ага-ага. Придумают же. – Убер одним глотком забросил в себя остатки сивухи. Чуть не поперхнулся, пищевод обожгло. Даже слезы выступили. «Черт. Ну и пошло». Теплая алкогольная смерть мозга.

– Это дракон, – сказала Светлана.

Пауза.

Убер медленно повернул голову.

– Что? – спросил он ровным голосом.

Внезапно она поднялась, разнузданно бросила на стойку горсть патронов от Макарова. С дробным стуком они раскатились. Светлана покачнулась, приблизила красивое лицо к Уберу – он почувствовал смешанный аромат духов и алкоголя. Холодноватый цветочный запах и торфяные дымные нотки. И еще кое-что – женское, тягучее. Убер прочистил горло. Светлана махнула бармену:

– Налей ему. Лучшего виски.

– Я не пью за счет женщин, – мягко сказал Убер. «Врешь! – откликнулся кто-то из глубины гулкого пространства головы. Из затылка. Из темной области. – Когда ты пьешь, ты пьешь за любой счет. Ты пьешь все, что горит и убивает».

– Бармен, запиши за мной, – бросил он. Бармен посмотрел на Светлану. Та кивнула. Бармен пожал плечами и что-то записал. «Мой кредит растет», – рассеяно подумал он.

Бармен налил Уберу виски. «Дороговато будет, – прикинул Убер. – Плевать».

– Это дракон, – повторила женщина.

Убер выпил.

– Ни у кого из них нет яиц, чтобы это сказать. – Светлана понизила голос. – Ты спрашивал про крик, да? Такой жуткий, что сердце убегает в пятки, такой тоскливый, что хочется пойти и утопиться в канале... Такой мерзкий, что...

– Я понял, – мягко прервал Убер.

Светлана развернулась всем телом к Уберу, наклонилась:

– Знаешь, кто кричит? Хочешь знать?

– Да. – Убер повернул голову и посмотрел ей в глаза. Так близко, что это уже можно считать сексом. Ее губы совсем рядом...

Бармен откашлялся. Светлана подняла голову, посмотрела на него.

– А ты вообще заткнись, – сказала она резко. Бармен пожал плечами, отвернулся.

Убер усмехнулся.

– Твое здоровье, странник! – Она подняла стакан. Они чокнулись, Убер отсалютовал ей стаканом.

Убер выпил. Сполох огня внутри. Мир стал... еще немного приятнее. Светлана не закусывала – как и он сам. Она наклонилась к нему, прижалась грудью к его руке. Убер почувствовал, как бьется ее сердце.

– Это дракон, – прошептала она горячо и громко. – Он здесь везде... повсюду. Вот здесь, здесь... – Она ткнула пальцем с накрашенным ногтем в одного посетителя, мужика в углу, дремавшего над стаканом. – Здесь... – Бармен удивленно замер, снова принялся вытирать стаканы. – И даже здесь.

Она показала себе на висок, низко, с хрипотцой, засмеялась.

– Проклятая ящерица! Она везде... Налей моему приятелю виски. Лучшего, – обратилась она к бармену. Тот посмотрел на нее, молча кивнул. Вытащил откуда из-за стойки бутылку виски, настоящего. Убер покачал головой, бармен убрал бутылку. Долил ему обычной сивухи, а женщине – виски.

– Твое здоровье, – сказал Убер и выпил.

– Я играла в театре. До Катастрофы. Маленький заштатный театрик. Ты не знаешь. Там был спектакль «Дракон».

– «Дракон»?

– По пьесе Шварца. Я играла Эльзу. Хорошая роль. Ты читал эту пьесу?

– Я видел фильм. С Абдуловым.

– Никто не читает книги.

– Это проблема, – сказал Убер.

– Да! Это проблема... А-а! – Она безнадежно махнула рукой. – Пьесы и раньше никто не читал. Если бы не фильм, разве кто-нибудь знал бы эту историю? А это великая пьеса! Великий автор!

– Я читаю книги, – сказал Убер.

– И знаешь, что я поняла, странник? – Она словно не слышала.

– Что же? – спросил Убер.

– Никто не хочет, чтобы дракона убили. Ни-икто.

Она пьяно пошатнулась, оступилась. Убер мгновенно поймал ее, придержал, поднял. Аккуратно поставил на ноги. Она была мягкая и горячая. От нее шел сильнейший аромат женственности. Тепло под ладонями – податливое, зовущее. Он спокойно убрал руки.

– Рыцарь, – сказала Светлана. И засмеялась. – Знаешь, как приятно снова чувствовать на себе мужские руки, странник? А?

Убер молчал. Улыбался.

– Я тебе нравлюсь, – сказала она.

– Да, – сказал Убер. В ней действительно было что-то завораживающее. Он представил ее тяжелые груди, ее, гибкую и обнаженную, лежащую на кровати.

– Просто тебе нравятся все женщины, так? – спросила она развязно. Наваждение прошло.

Убер усмехнулся. Цинизм помогает.

– Что-то вроде.

– И ты готов переспать со всеми женщинами мира? А! Готов?

– Я считаю, это моя почетная миссия. Сам папа римский благословил меня на этот крестовый поход. Так и сказал: ебите и размножайтесь.

– Идите и размножайтесь, – поправила Светлана.

– А! И это тоже, да. Всегда приходится куда-нибудь идти для этого дела.

Она пьяно и чересчур весело засмеялась. Очарование исчезло. «А ведь оно было», – подумал Убер.

– Трепло!

– Это есть, – согласился Убер. – Твое здоровье, прекраснейшая! – Он выпил, поставил стакан на стол вверх дном. Пожалуй, на сегодня хватит. Даже долбаному дракону внутри него.

– Я бы могла влюбиться в тебя, – сказала Светлана.

«Вот черт», – подумал Убер.

– Это было бы... неосторожно. – Он вдруг с удивлением понял, что с заминкой подбирает слова. Алкоголь сделал с ним то, чего безуспешно добивались многие и многие, били, пытали, угрожали, резали и стреляли... Он сделал так, что Убер заткнулся. Скинхед выпрямился. Странное сегодня было опьянение.

– Убер?

Убер покачнулся на стуле. Приятно все-таки просто поболтать. Без обязательств. «Сейчас я встану и пойду, – подумал он, но остался сидеть. – Вот сейчас встану...» И опять не получилось. Кажется, в какой-то момент он задремал.

– Убер, слышишь? – Голос Светланы. Он вскинул голову:

– Да? Что? – повернулся к ней.

– Ты знаешь, что Ада больше нет? – сказала Светлана. – А, мой лысый татуированный рыцарь?

Убер почесал затылок. Поворот сюжета ему... не понравился. Хотя тема, в принципе, интересная.

– Как нет? Почему? – Он постарался сосредоточиться.

– Это правда. Ад официально отменили перед самой войной. А потом упали атомные бомбы.

– В смысле? – Убер не понял. – Ты сейчас серьезно?

– Совершенно серьезно.

– Ада нет?

Светлана кивнула.

– Да. И уже давно.

Убер все не мог уложить этот факт в своей бритой голове. Он встал, расправил плечи. Хотелось драться и совершать подвиги. Но больше всего – что-то сказать умное. Правда, он пока не знал, что. «А уж не напился ли я», – мелькнула на мгновение слегка тревожная мысль. Но Убер ее отогнал. Ему нравилось ощущение потока, легкости. Поэтому он сел обратно и взял стакан.

– Нет, серьезно, – сказал он. – Ада – нет?

– Нет.

Он серьезно обдумал эту мысль.

– И что вместо него?

Светлана помедлила, затем понизила голос:

– Чистилище.

У нее был красивый низковатый голос. С призывными нотками.

– Правда? И кто так решил? – Убер засмеялся.

– Так решила русская православная церковь.

«Вот это поворот. Только религиозного психоза мне и не хватало».

Даже для пьяного это было... слишком.

Убер встал.

– Ух. Ох, простите, любезная. Сорвалось с языка. Все, оказывается, еще хуже, чем я думал.

Светлана ткнула ногтем ему под ребро – словно ножом. Убер не моргнул и глазом. Светлана подождала, глядя ему в лицо, затем разочарованно убрала руку. Под ребром у скинхеда ныло и пылало. Убер ждал. Он вдруг почувствовал себя недобрый и недружелюбным. Как

дикое животное, скинхед среди ручных хомячков. Светлана смотрела на него, глаза светились гневом. И желанием.

Она придвинулась ближе.

– Покажи свой нож... – сказала она развязно. Положила руку ему на бедро, на ножны кукри, погладила пальцами. – Давай, вытащи его. Я хочу видеть.

Убер покачал головой.

– Нет.

– Покажи.

– Нет.

Она дала ему пощечину. Убер моргнул. Светлана резко поднялась. На ее побледневшем лице ярко пылали пятна румянца.

– Покажи, – сказала Светлана.

Убер покачал головой. Она размахнулась... Он поймал ее руку перед своим лицом. Усмехнулся.

– Нет, – произнес он.

– Мудак! – Она развернулась и ушла.

Убер посмотрел ей вслед. Похоже, праздник «День психического здоровья» – это явно не для этой станции. Бармен протирает стойку рядом с ним. Протирает и протирает. Убер поднял глаза.

– Чего?

– Женщина, с которой ты сейчас заигрывал, – сказал бармен. – Светлана... Ты ее знаешь?

– Нет, – ответил Убер резко. Ему не понравилось слово «заигрывал». – А что?

– Это жена мэра.

Убер открыл рот, подумал и закрыл. Тааак. Что здесь вообще происходит?! «Дракон здесь, во мне». Он выдохнул, дернул головой. Надо ее догнать, спросить... Он оскалился. Встал, быстро пошел к выходу. Черт, а только на ходу понимаешь, что ноги плохо слушаются. «Ну я набрался...» Он пошатнулся, чуть коленом не своротил стол. Выпрямился, постоял.

Убер остановился у выхода, постоял, наклонив голову на плечо. «Что я ей скажу? Ничего. Я здесь, чтобы избегать неприятностей? Так?!»

Он вернулся к стойке, сел на табурет. Икеевский, забавно, подумал он. Сделал знак бармену наливать. На душе словно кошки скреблись. Муторно и противно. Бармен набулькал в стакан коричневой жидкости. Нет, это уже не виски. Убер скривился от сивушного запаха, но все-таки решился. Бросил выпивку внутрь себя, как в топку. Занюхал патроном от «Макарова». Патрон пах резким, кисловатым ароматом кордита и металла. Убер поставил патрон на стойку, как игрушечного солдата, пальцем придвинул в сторону бармена. Выпрямился, посмотрел на него.

– Слушайте, я понимаю, что я Питере... – начал он.

– Да, – сказал бармен. Достал стакан, осмотрел на просвет. Стекло с точки зрения Убера было кристально чистое.

– Я понимаю, что я под землей, на станции «Обводный канал», а это место мистическое и странное... и до войны таким было... – продолжил Убер.

– Да, – кивнул бармен. Протер стакан грязным полотенцем, поставил на стойку. Налил Уберу еще.

– Я понимаю, прошло десять лет после атомной войны, а это еще тот стресс... – Убер взял стакан.

– Еще бы, – хмыкнул бармен.

– И я понимаю, что я сижу в «Спятившем крабе» и название обязывает, но... – Убер помедлил, опрокинул в себя содержимое стакана. Словно жидкий металл проглотил. Он скривился, пережидая пожар в желудке. На мгновение прикрыл глаза, выпрямился. Посмотрел на

бармена абсолютно трезвым взглядом. – Но могу я поболтать, для разнообразия, хоть с кем-то нормальным? А?

Пауза. Убер ждал.

– Ну ты и псих, – сказал бармен и отвернулся.

Убер засмеялся. И вдруг осекся.

«Фартук» бара сделан из полированного листа металла. За спиной бармена, из отражения в жестяной пластине, на Убера смотрел его искаженный брат-близнец. Пьяный, трусливый и жестокий.

2. Бобренок (Перо ангела-3)

К Мике и Нэнни он пришел вечером. Докурил, стоя у палатки, и затушил самокрутку, только когда горечь стала невыносимой. Вошел. Внутри его ждала Мика. Девочка стояла, уперев руки в бока. В ладошке зажата корка хлеба. Нэнни сидела и вязала из цветных нитей что-то новое. Убер пока еще ни разу не видел ее без занятия. Скинхед повернулся, сел на пол, сложив ноги по-турецки, и оказался перед девочкой. Мика смотрела строго.

– Ты ругаешься и пьешь. И часто куришь, – сказала Мика. Сузила глаза.

– Да, – согласился Убер. – Виновен по всем пунктам.

– Что?

– Я говорю: ты права, странная маленькая девочка.

Мика покачала головой. Погрызла корку. Это был какой-то местный аналог хлеба, испеченный из муки, смелотой из древних круп, вытащенных с поверхности, и мелко нарубленных сушеных грибов. Напоминал он по вкусу скорее кусок дерева, чем что-то съедобное. Но Мике нравилось.

– Ты какой-то неправильный ангел, – заключила девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.